

Анна
Горенко

Королевская
шкура шмеля

ПОЭТЫ АНТОЛОГИИ

«УЙТИ. ОСТАТЬСЯ. ЖИТЬ»

ВЫРГОРОД

Анна Горенко

**КОРОЛЕВСКАЯ
ШКУРА ШМЕЛЯ**

**Москва
«Выргород»
2026**

УДК 82-1
ББК 84
Г68

Г68

Горенко Анна

Королевская шкура шмеля: избранные стихи и проза / Сост. Б.
Кутенков. – М. : Выргород, 2026. – 180 с. – (Поэты антологии «Уйти.
Остаться. Жить»)

ISBN 978-5-905623-59-2

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-5-905623-59-2

© Горенко Анна, наследники, 2026
© Кутенков Борис, составление, 2026
© Аникина Ольга, предисловие, 2026
© Мурашова Екатерина, дизайн обложки, 2026
© Выргород, макет, 2026

СВОИМИ ГЛАЗАМИ ОДНОВРЕМЕННО

Вполне допускаю, что мои заметки о стихах Анны Горенко окажутся неполными, но я не оставляю надежды на то, что человек, которого глубоко заденут стихи этой книги, отыщет и другие труды, им посвящённые, тем более что таких трудов довольно много. Что любопытно: либо основную часть высказываний, касающихся поэтики Анны Горенко в русскоязычном поле, можно оспорить, либо они уже оспорены, исправлены и дополнены. Именно поэтому в моих заметках такое количество постраничных сносок (читать которые, может быть, и не обязательно).

Пик отрефлексированной рецепции поэтики Анны Горенко пришёлся на 2000-е – 2010-е годы; программные статьи о поэте написали известные российские критики, а также авторы, принадлежавшие к её ближнему кругу¹. После смерти Анны силами друзей и близких было издано четыре книги: «Малое собрание» (Иерусалим, 2000), «Стихи» (Иерусалим, 2000), «Праздник неспелого хлеба» (М.: НЛО, 2003) и «Сочинения» (М.: Летний сад, 2010). В 2014 году вышел последний на сегодняшний день сборник стихов Анны Горенко «Успевай смотреть», снабжённый обширным личным комментарием поэта Владимира Тарасова, который «исправил недочёты» предыдущих изданий.

Относительно недочётов (на самом деле не только них) Тара-

---

¹ Горенко А. Малое собрание / Составитель и комментатор В. Тарасов. Иерусалим, 2000; Горенко А. Стихи / Составитель Е. Сошкин. Иерусалим, 2000.

сов категоричен; в частности, он пишет: «В случае разночтений останавливаться на лучшем я продолжаю считать единственно справедливым принципом отсева... <...> В своё оправдание скажу: ни один человек не имел и не имеет права вторгаться в стихи Анечки. Кроме меня. Такова воля покойной. А вот расписки — нет»².

Что именно подразумевал Владимир Тарасов под словом «вторгаться»? Поначалу кажется, что это касается только отбора текстов и их вариантов для публикации, но по факту — редактор защищает тексты Анны от любого «неверного», с его точки зрения, толкования³: «И не надо ей лишнее шить!»⁴. Благодаря многочисленным очень откровенным комментариям сборник Горенко, вышедший в 2014 году, критик Евгения Вежлян сравнила с Дантовой “Vita Nuova”⁵, и неслучайно: волей редактора и составителя книга приобрела форму, в которой стихи Горенко перекликаются с голосом её возлюбленного и литературного наставника. Комментатор спорит, доказывает, подтверждает и отчаянно защищает любимого человека от возможной (пусть даже ещё не совершившейся) чужой небрежности, неточности, а то и, чего доброго, несправедливости.

Пожалуй, так и должно быть: у любого покинувшего мир поэта почти всегда есть свой Макс Брод. Однако чем дальше любой ху-

---

² Горенко А. Успевай смотреть (Большое собрание): Стихотворения, проза, письма. Сост., подг. материала и комментарии Владимира Тарасова. Иер., изд. Проект ИВО, 2014. С. 84.

³ Там же, с. 122: «Издание Анечки, затеянное Сошкиным, вообще не выдерживает критики в качестве первого авторского сборника»; с. 123: «Впрочем, изданная в НЛО книга А. Горенко немногим лучше».

⁴ Там же, с. 89.

⁵ Вежлян Е. Заметки на полях невозможной книги. Лехаим. Январь 2011. Тевет 5771–1(225).

дожественный текст отплывает от берега реальности, на котором он был создан, тем ближе он оказывается к метафизическим, не связанным с конкретикой категориям. Именно свойство текста быть прочитанным по прошествии времени, всё более отдалённого от точки возникновения, и приближает его к произведениям искусства, которые становятся «вещью в себе» и проявляются в каждой новой эпохе по-новому. Поэтому и получается, что однозначная трактовка современниками лексики, семантики, образов и конкретных приёмов, используемых в таком тексте («Рассказываю как есть. Как было»⁶), интересна читателю не в качестве текстологического ориентира, а лишь как историко-биографическое дополнение к каждому конкретному стихотворению и к образу Анны Горенко в целом. Возможно, при прочтении её стихов сейчас, более чем через 10 лет после выхода последней книги Анны, всё, что прежде, казалось бы, не имело отношения к объекту исследования (в данном случае — тексту), а именно: переклички, проявления двойничества и неотчётливых влияний, — всё это, как говорил поэт из совсем другого поколения, в рассказе о стихах Горенко обязательно «следует шить». Пока о поэте говорят и спорят, его зрение продолжает преломляться в разных средах, то есть — существовать.

* * *

Жан-Люк Нанси в одной из статей, посвящённых кинорежиссёру Аббасу Киаростами, пишет, что «всякая очевидность всегда включает слепое пятно именно в том самом, что делает её очевидной: поэтому своеобразной опорой для неё служит глаз. Это слепое пятно не приводит к потере зрения: напротив, оно образует от-

---

⁶ А. Горенко, 2014. С. 132.

верстие для взгляда, на который оно давит, заставляя глядеть»⁷.

Для нас очевидно, что как минимум последние восемь лет жизни Анны Горенко в Израиле прошли в режиме медленного болезненного самоуничтожения в поисках способов изменения сознания. Также очевидно, что стихи Горенко – явление, заслуживающее подробного разговора. Об основных чертах поэтики Горенко написал Данила Давыдов, назвавший её «поэтикой последовательного ухода»⁸: «Характерные приёмы письма Горенко – несогласование членов предложения, разорванность синтаксиса, непредсказуемая полиметрия, использование однородных структур, компрессия – создают эффект “trip`a”, смещения концептов»⁹.

они в саду играют марш
давай играть в войну
ты будешь мой отец погиб а я тебе рыдать
теперь они играют вальс
а ты и я разврат
теперь ты мой хороший брат а я с тобою спать
затем они сыграют что
но мы давно ушли
здесь звёзды страшные горят у них глаза внутри

---

⁷ Нанси, Жан-Люк. Очевидность фильма: Аббас Киаростами / Жан-Люк Нанси; пер. с франц. А. Гараджи. – М.: Музей современного искусства «Гараж», 2021. С. 28.

⁸ С Д. Давыдовым спорит Денис Соловьёв-Фридман, назвавший поэтику Горенко «стасисом свершившегося конца» в статье «Тело Анны как неконеч русского авангарда» (опубликована в журнале «Топос» 15 августа 2003 года. URL: www.topos.ru/article/1493).

⁹ Давыдов Д. Запрещённое детство. / Антология литературных чтений «Они ушли. Они остались» (2012–2016) / Сост. Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, И. Б. Медведева, В. В. Коркунов. – М.: ЛитГОСТ, 2016. С. 146. Чтобы не дублировать существующие подходы к творчеству Горенко, отсылаю заинтересованных читателей к этому и другим источникам, процитированным далее.

Вокруг этих двух очевидных вещей выстраиваются концепции, позволяющие обратить внимание на те или иные особенности поэтики Горенко. Но в самом начале, перед тем как нам придётся прибегать к терминологии, обращаться к обзорам и мнениям, цитировать работы филологов, посвящённые этой поэтике, я хочу остановиться на важном и неочевидном аспекте, без которого разговор окажется неполным, — на «слепом пятне», которое при прочтении стихов, представленных в этой книге, неизменно будет возникать перед взглядом читателя. И «давить» на него.

Именно — перед взглядом, потому что тексты Анны Горенко содержат в себе много визуального (и визионерского тоже, но об этом позже). Более того, порой возникает ощущение, будто Горенко пытается довести речь до такого состояния, что и текст, и автор приобретают качества «слепого пятна»; метафизический «глаз» привычно перепрыгивает через него, словно бы через пустое место. В семантических разрывах, в алогичных связях, похожих на напластование случайных (отнюдь нет!) образов, в момент перехода между ними слепое пятно чуть ли не физически ощутимо; и о том, что внутреннее зрение должно читателю подсказать, где спрятана пасхалка («у них глаза внутри»), говорят разбросанные по текстам указатели, связанные с аспектом зрения. Это что-то вроде стрелок, акцентирующих, откуда «ответного не вырвать взгляда»: «умереть целиком и заглазно», «клекочущие небеса стараясь не видеть», «теперь смотри когда они пройдут», «где всё плескался твой зелёный глаз», «небце синее косое / дурно глянется в меня», «столько же светлых мук светлому взгляду», «ты видишь тень мою в своей постели», «смотри какое небо какие однако стены», «успевай смотреть» и т. д.

В этом смысле примечателен цикл «Наблюдательный пункт»: в первом стихотворении цикла многократно (пять раз на шесть строк) повторяется побудительное «смотри», а во втором — персонажи (два человека и две птицы) движутся по некой плоскости, и к этой четвёрке присоединяется некто от имени автора, чтобы

собирать «межи и зги» «зрению на зиму впрок». Очевидно, четвёрка идёт туда, где нет ни одной (зги), и это «зима», а на самом деле тьма. Крохотные «зги» рассыпаны по стихам Горенко, и глаз (внутренний, мы помним) становится путеводным клубком — и именно этому глазу в тексте советуют: «так посмотри ещё каких слогов лишил зрачок / и небу отказал в каких виденьях».

С одной стороны, глаз — единственная «почти бесплотная» часть тела, которой Горенко позволяет оставаться с собой (и с читателем) чуть ли не до самой финальной точки развоплощения (даже в тексте «Первый верлибр» героиня «отрезает» от себя всё — руки, ноги, даже уши — но глаза не трогает). С другой стороны — и автор помнит об этом, — чтобы окончательно развоплотиться, ей нужно пожертвовать последним, что она имеет, — зрением. И полностью уйти в слепую зону, которая и начинает парадоксальным образом работать именно тогда, когда, казалось бы, от сказанного слова (и от живого тела) ничего уже не остаётся.

* * *

Анна Горенко (Карпа) родилась в 1972 году в Молдавии, в Бельцах, до 1989 года жила в Ленинграде, потом переехала в Израиль и жила там до рокового дня 4 апреля 1999 года.

я выхожу из провинций моей души
я тотчас вижу сбоку: тело может быть норка птицы

Одно из самых ранних стихотворений Анны («Томлению внемлют случайные мысли...»), по предположению В. Тарасова, написано в 1989 году, и уже в нём на фоне признаков, присущих многим ученическим стихам, обозначились черты, которые сохранятся и в «поздней» поэтике Горенко (если можно говорить о поздней поэтике человека, ушедшего из жизни в 27 лет),

а именно – тяготение к «мандельштамовской ноте», музыкальность фонетического строя, диссонансная рифма («время – пламя»), цитатность (текст содержит отсылку к Йоне Волах) и некая эмоциональная неуспокоенность на грани с неуверенностью, создающая характерную «зыбкую» атмосферу послевкусия. Впоследствии конформистская гладкопись в текстах Горенко сменилась прерывистостью, фрагментарностью, грамматическими вольностями, слог обретёт ноту вызова, речь станет смелее, парадоксальнее, но эмоциональная зыбкость – останется. Такая, что, кажется, ещё один шаг – и неминуем слом. Собственно, речь идёт об имплицитных проявлениях экспрессионизма в стихах Горенко, если под экспрессионизмом понимать то, что писал о нём Георг Зиммель¹⁰; однако я ни в коем случае не предполагаю, что экспрессия культивировалась Анной искусственно – это особенность письма, соприродная темпераменту автора.

Горенко говорила про себя, что она поэт «не столько русский, сколько пишущий по-русски израильский»¹¹. Данила Давыдов отмечает интересный парадокс: «...её поэтика почти не имеет специфически израильских черт. Роль местных реалий, гебраизмов и т. п. у неё, в сущности, не велика по сравнению со стихами

---

¹⁰ Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С. 384.: «...смысл экспрессионизма заключается в стремлении непосредственно проявить или, точнее, усилить в художественном произведении глубокое внутреннее напряжение художника. Экспрессионизм избегает законченных форм, считая их чем-то извне данным, силами реальными или идеальными <...> И как всё по содержанию своему внесубъективное отвергается экспрессионистами, ими также отрицается и оформление материалов в более тесном смысле слова, диктуемое художнику или традицией, или методом, или каким-нибудь образцом, или твёрдо установленными принципами. Всё это стесняет стихию жизни, стремящуюся творчески излиться из самой себя, и потому подчинение её какой-либо форме только омертвило бы, лишило бы подлинности, исказило бы живую линию художественного произведения».

¹¹ Со слов Михаила Вайскопфа; это его устное сообщение цитируется всеми критиками, в т. ч. Д. Давыдовым и Е. Вежлян.

Александра Бараша, Гали-Даны Зингер и некоторых других русских поэтов Израиля. Тем не менее именно у Горенко публично высказывавшееся отторжение от русского литературного пространства становится, в отличие от авторов старшего поколения, принципиальным¹².

Отмежёванность Горенко от поэзии «метрополии» и отторжение ею всего культового, вторичного и предсказуемого уводило её в среду, далёкую от мейнстрима как российской, так и израильской русскоязычной поэзии: кроме Владимира Тарасова, её кругом общения становятся такие поэты, как Михаил Генделев, Петя Птах, Демьян Кудрявцев¹³, Гали-Дана Зингер. Как пишет тот же Давыдов, «отчасти протестная, отчасти эскапистская субкультура, в которой так или иначе существовала Горенко, не носит однозначно “низового” характера: помимо полусамиздатских книжек, имеющих порой весьма курьёзное наполнение, именно этот круг явился одним из главных поставщиков материалов для такого журнала, как “Солнечное сплетение”, — издания пусть и радикального, но достаточно высоколобного»¹⁴. Евгения Вежлян в статье 2002 года также упоминает, что «её (Анны) способ письма оказался созвучен манере той части российской молодой поэзии, которая была ориентирована на поставангардную, концептуалистскую “инновативную” стратегию позднесоветского андеграунда и которая в 2000-х начала активный “захват” литературного поля. Что требовало создания нового, собственного канона»¹⁵.

---

¹² Действительно, отторжение Горенко от русского литературного пространства произошло закономерно, а вот что касается специфических израильских черт, здесь всё же нужно отметить, что одна характерная особенность в них присутствовала, и это — постоянная трансляция израильских военных реалий («Одна война зимы две месяца рыбьей кости», «военной карте всё равно», «и в танк его обутая нога», «Поёт и плачет офицер за стенкой», «Едва ли / после войны ты вспомнишь эти дни»; «они в саду играют марш / давай играть в войну», «смущённые войны картиной / и в Палестину паровозик воздушный направляет бег»).

юннат беспризорный могильщик
ты клеил серебряный гроб
но что мне до смерти я птичка
я зоологический сноб
умелец роскошный курильщик
ты думал я жить не хочу
я жизни не знаю я птичка
я небо верчу

Не отождествляющая себя с русской поэзией 90-х годов, но и не позволяющая собственной поэтике впитать атмосферу местного израильского колорита, Горенко словно бы выбирает не конкретную нишу и даже не нейтральную полосу герметичной речи диаспоры эмигрантов – она выбирает маргинальную среду далёких от мейнстрима литераторов как временную базу «по пути к столицам» для грядущего переезда в инобытие – аналог «слепого пятна». Та «провинция души», из которой Горенко идёт «по пути к столицам», – образ, призванный вместить в себя всю «посюстороннюю», материальную жизнь человеческого тела, ту, которая не является смертью, – и ту, которая, по всей видимости, тяготила Анну более всего. Вероятно, поэтический голос Анны вырос из этого яростного отторжения собственного тела и попытки выйти из него – преодолеть всё «человеческое» в попытке найти иное, возможно – ангельское: «где ангела одежды золотые? надень что было сил!».

---

¹³ Признан Минюстом РФ иностранным агентом на территории РФ.

¹⁴ Давыдов Д. Поэтика последовательного ухода. / Горенко Анна. Праздник неспелого хлеба. Предисловие Д. Давыдова. Составление Е. Сошкина и И. Кукулина. Подготовка текстов Е. Сошкина и В. Тарасова. М.: Новое литературное обозрение, 2003. – Серия «Поэзия русской диаспоры».

¹⁵ Вежляя Е. Заметки на полях невозможной книги. Лехаим. Январь. Тевет 5771 – 1(225)

Евгений Сошкин называет этот вектор «импульсом к развоплощению»¹⁶; и такой импульс требовал изломанной, словно вывернутой наизнанку речи. О многочисленных краткосрочных романах Анны и о её длительных пребываниях в состоянии изменённого сознания Сошкин писал: «...оба эти вектора устремлений исходили из одного и того же отчаянного проекта. Заключался он в последовательном отказе от телесности посредством физического рассредоточения, растраты тела и высвобождения души из обстания плоти»¹⁷.

Так, «импульс к развоплощению» вошёл в резонанс с редким даром поэта и силой, способной гнуть подкову языка так, как того требует внутреннее чутьё и веление. Выбор пути социально отверженного поэта произошёл в силу личного противостояния Горенко «господству культурного бессознательного», которому Мишель Фуко противопоставлял искусство маргиналов – безумцев, преступников, душевнобольных, а Делёз и Гваттари предполагали, что, бросая вызов обществу, любая творческая личность реализует свой шизофренический дискурс, то есть использует язык, в котором разумность и логика заменены абсурдом, парадоксом, а зачастую и бессвязностью, бессмыслицей¹⁸.

«Импульс к развоплощению», о котором пишет Сошкин, под-

---

¹⁶ В статье Е. Сошкина («От адамова яблока до Адамова языка: территория Анны Горенко», НЛС. 2002, №5) дан наиболее полный, глубокий и системный анализ как основных мотивов творчества, так и образного ряда «деконструированного мифа» Горенко, «семантических ключей», встречающихся в её стихах и прозе.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoj Evropy i SSHA): koncepcii, shkoly, terminy – Contemporary foreign literature study (Western Europe and USA): concepts, schools, terminology.* Moscow. 1999. P. 156. About schizo-analysis, see: Deleuze G., Guattari F. *Anti Oedipus: Kapitalizm i shizofreniya. [Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia].* Ekaterinburg. 2007.

креплялся мистическим мировидением поэта, о котором в связи с поэтикой Горенко также написано немало. В той же статье 2002 года «От адамова яблока до Адамова языка» Евгений Сошкин связывает склонность Горенко к мистицизму со своеобразным камланием, техникой «заформатывания реальности»: «...стихосложение приравнивалось Горенко к заклинательному акту и носило явственную телеологическую окраску, а значит, правомерен разговор об общих стимулах её поведенческой и литературной тактик. С большой долей упрощения эта общность может быть понята в том смысле, что в качестве поэта Горенко осознавала себя посредующим звеном между живыми и мёртвыми». Именно здесь Сошкин видит корни возникновения в стихах Горенко деформированного мира, в котором «на печке лежит баба-яга, костяная нога, из угла в угол, нос в потолок врос». Сошкин подробно анализирует мотивы «прижизненной смерти» и «тления живого» («Цветы живут быстрее тленья вишен / ещё быстрее и слаще жизнь вина»), упоминает о связи мотива смерти и образов «райского сада» (с ним связан «мотив древесности», живой и мёртвой) и «райского состояния», зачастую отождествлённого у Горенко с мотивом «пения» и музыки.

Сошкин отмечает, что «сам по себе её мистицизм спорадически, но отчётливо проявлялся в бытовом поведении. Она имела откровения от заложных покойников, навещавших её из прошлого, находила потаённый смысл в своих сновидениях и т. д.». Частные бытовые случаи вовлечённо описывает Владимир Тарасов, вспоминая, например, как Горенко делилась с ним «пророческими» сновидениями, касающимися как будущих событий, так и её собственной смерти¹⁹.

В эпизодах бытового и поэтического «ясновидения», созерцания в стихах собственной смерти, видения рая («ты в райский

---

¹⁹ А. Горенко, 2014. С. 98.

день роняющий качели», «то куда ты попала есть райский навязчивый сад») — во всём этом прослеживается визионерство, свойственное экспрессионистской традиции, для которой характерны такие категории, как тяготение к абстракциям, глубокому вчувствованию, эсхатологическим и трансцендентным идеям²⁰. И, хотя Данила Давыдов пишет, что у Горенко «на уровне поэтики мы не имеем возможности чётко отделить визионерство как таковое и визионерство как приём»²¹, я полагаю, в таком разделении в данном случае нет особой нужды.

* * *

«Человек, занимающийся роком, постигает жизнь, но не через утверждение, а через разрушение, через смерть»²², — писал Егор Летов. Если заменить «рок» на «поэзию», эту фразу можно было бы сказать и в отношении Горенко. Рефлексии о смерти вообще и о собственной смерти в частности становятся чем-то вроде топоса, общего места не только для поэтов-представителей субкультуры русского рока 80–90-х (от «Гражданской обороны» до поп-роковой «Агаты Кристи») и молодых российских поэтов из 90-х (Евгений Хорват, Макс Батулин), но и для современных молодых поэтов.

Любой взрослеющий художник, начиная с условных 15 до условных 30 лет, в какой-то момент в течение этого довольно

---

²⁰ Крашенинников А. Понятие визионерства в поэтике экспрессионизма // Вестник ВятГУ. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vizionerstvo-v-poetike-ekspressionizma>

²¹ Д. Давыдов, там же.

²² Летов Е. ...Одиночки опаснее для социума, чем целое движение... Цит. по: <https://www.litres.ru/book/egor-letov/siyanie-pryamaya-rech-intervu-monologipisma-1986-1997-67637270/chitat-onlayn/?page=4&ysclid=mgok4b6udv104439718>

длинного промежутка проходит свой собственный *fin de siècle*, которому присуще острое ощущение «стояния на краю», переосмысление жизни и, конечно же, смерти. Устрашающая голая реальность оказывается слишком близко, время начинает лететь с бешеной скоростью, и с сознанием человека происходит катастрофа: телескопическое, чуть ли не кэрролловское уменьшение – ощущение этого уменьшения, съёживания. По сравнению с большим, безразличным, эгоцентричным чужим миром человек, стоящий у края пропасти, – всего лишь эпизод, маленький кадр.

От этого кризиса нет универсального средства. Более того, рефлексии на тему собственной смерти могут быть аутотерапевтическим актом; не обладающие даром пристального чтения читатели, столкнувшиеся с подобным текстом, могут даже обвинять автора в депрессивном содержании или попытке призыва к самоубийству.

Мотив собственной смерти приобретает у Горенко особую зловещесть, но я заостряю внимание на том, что эта зловещесть не что иное, как результат восприятия нами особого «метатекста», сложившегося при участии нашего знания о физической смерти Анны 4 апреля 1999 года. Это же явление можно назвать растянувшимся во времени кошмарным перформансом, который читатель при желании может в подробностях воссоздать в собственном воображении.

О «деструктивном мифе» Горенко писала Евгения Вежлян в статье «Заметки на полях невозможной книги»: «Творчество – любое – становится героическим жизнетворчеством, разнообразностью обречённости. Творческая способность понимается как деструктивная – для самого творца – сила, ведущая его к гибели и созидающая нечто энергией распада»²³. О «жизнетворческом

---

²³ Вежлян Е. Заметки на полях невозможной книги. Лехаим. Январь. Тевет 5771 – 1(225)

мифе» Горенко также писал критик Илья Кукулин²⁴, добавляя, что, будучи современным «проклятым поэтом», «она не возродила миф об отверженном и одиноком творце, а воплотила в своей поэзии героическую деконструкцию этого мифа». «Деконструкция» мифа заключается преимущественно в том, что речь в стихах Горенко ведётся от имени объекта, который не является «героем» в общепринятом понимании этого слова; единая традиция мировой культуры «перетолковывается» от имени второ- и третьестепенного персонажа, «от имени объектов чужого мифотворчества, взбунтовавшихся против его субъектов, наделённых идеологией, положением в обществе, борющихся за свои — известные им — права». В качестве примера Кукулин приводит текст «Песни мёртвых детей», названный так же, как одноимённый вокальный цикл Густава Малера.

Тихо песни мёртвых детей
Не оставят следов
В моём деревянном саду
Неосторожные кошки намёки сов

Именно на этой подмене героя — даже не антигероем и не маленьким человеком, а крошечным кадром чьей-то короткой жизни, которая вот-вот кончится, — не расчётливо, а скорее интуитивно, построена значительная часть метафизического костяка поэтики Анны Горенко. В этом «съёживании» героя берёт начало сквозной образ ребёнка, одновременно беззащитного, играющего и жестокого, — скажем, в цикле «Песни мёртвых детей» и в других текстах:

---

²⁴ Кукулин И. Анна Горенко. Новая карта русской литературы. URL: <http://www.litkarta.ru/studio/orientir/gorenko/?ysclid=mjhf5jqc68140751035>

Не правда ли ты хорошо помнишь солнечные дни
и свои детские мечты.
Твои детские мечты так напоминают мои детские мечты
так напоминают нашу общую действительность –
ты живёшь на краю неба я на краю земли между нами ходит автобус

Из этого же «детского» и беззащитного авторского «я» исходит обращение «мама» в стихотворении «Белая пыльная малина как просто так...»:

Мама
Мама
только бы не стать феминисткой!
Мама не стать нацменьшинством фашистом

Из того же «культы детскости» вырастает «культ малenkости», введение в поэтическую речь не только атрибутивов детства, но и вообще – образов, одной из основных характеристик которых является крохотность. Например (со слов В. Тарасова), в качестве одного из ранних, впоследствии отмечённых вариантов названия первой своей будущей книги Анна предлагала «Полёт шмеля», словно бы идентифицируя себя с этим насекомым²⁵. Шмель не единожды появляется в её текстах («Жжёт и лижет язык королевская шкура шмеля», «шмель за угол и нежного покроя», «вот письмо шмеля от десятого пятого из отеля»), как и маленькие птички, мыши и т. д.: «моя самая маленькая птичка / носик невидимый»; «я жизни не знаю я птичка»; «а мыши ели мёд со стен»; «и птица-мышь касается полов»; «смерть прикрывает наготу / плотью мальчика головой щенка»; «одноместный самолётик прыгает через заборчик»; «я маленький японец в кипятке»; «как

---

²⁵ А. Горенко, 2014. С. 90.

запьястье гимназистки / манит радужная смерть»; «на белой белой маленькой лошадке» и т. д.

«Маленькость» как свойство физическое, но не духовное, второстепенность как явление субординационное, но не имплицитное, могло стать одной из причин выбора Анной псевдонима Горенко. В этом видится присвоение имени, незаслуженно сданного в утиль Ахматовой, представляющей в глазах любого молодого поколения «почтенную матрону русской литературы»²⁶. Словом, Анна Карпа стала Анной Горенко потому же, почему в стихотворении «Мы могли бы жить на малой садовой...» она выбирает не Большую Садовую, а Малую.

Евгений Сошкин отмечал, что «образы детей получают у Горенко inferнальную, демоническую трактовку», скажем, «Малютке Ленину сообщаются все фольклорные атрибуты сатанинского дитяти». Об инфантильных и некроинфантильных мотивах в лирике Горенко писал и Данила Давыдов: «...для неё характерно не просто сочетание мотивов детства и смерти, но некая констатация “запрещенности” детства»²⁷. От себя добавлю, что, пожалуй, поэзией 90-х концепт «ребёнок + смерть» не ограничивается; здесь стоит вспомнить, например, молодых поэтов 2020-х – Матвея Цапко²⁸

---

²⁶ А. Горенко, 2014. С. 87. О причинах выбора псевдонима пишет В. Тарасов: «она намеревалась каким-то образом “задеть патронесс”, другими словами, закрыть интеллигентскую тему Ахматова-Цветаева, на что я ей сказал: Марину Ивановну не трогай. Бывший в это время в нашей компании молодой, чтоб не сказать юный, поэт Демьян Кудрявцев (признан иностранным агентом на территории РФ. – Прим. ред.) мгновенно среагировал: возьми Горенко! Идея понравилась». И. Кукулин: «Сам псевдоним был выбран явно не только в хулиганских, но и в полемических целях: Ахматова в русской поэзии, особенно в поэзии женской, воспринимается как наиболее яркий образ автора, создавшего и утвердившего собственный личный миф». Е. Вежлян: «“Задеть патронесс” – это значило стать Ахматовой до – а следовательно, без – стихов. “Жизнь” оказывается “превышающей” и поглощающей “поэзию”. Поэзия становится частью – почти телесной – автора, захваченного “роком”». [Там же]

Я мягкими словами буду наступать
через сито школьного забора
через нежный шёпот сваленных в кучу
золотых трупов
на твоё тёплое странное большое Я

или Григория Батрынчу²⁹:

возьмёмся же за руки и слетим с него,
перевернём вверх ногами страну наступающей зрелости,
чтобы маленькие девочки с горящими красным глазами
нашли в своих кожаных сумках зелёный цветок равнозначности

или Стаса Мокина³⁰:

давай же выйдем здесь на спасской
нет на сенной а может на садовой
нам что грустить мы выросли с опаской
и смотрим в мир сквозь щёлочку в заборе

<...>

---

²⁷ Д. Давыдов. Там же.

²⁸ Цапко М. Причина идти дальше : стихотворения. – Красногвардеец: Издательство «ВНОВЕ», 2024. С. 32.

²⁹ Батрынча Г. Превращаюсь в объявления. полутона. URL: <https://polutona.ru/?show=0801165039>

³⁰ Мокин С. Японский бог. СПб.: Журнал на коленке, 2024. 17 с.

и вот мы наконец-то вышли в люди
на свет мы вышли господа прости
опять дожди в несчастном петербурге
нас не спасти — нас точно не спасти

Выходит, несмотря на то что «мифогенный механизм» Горенко в русском литературном поле (со слов Е. Вежлян) как будто «забуксовал»³¹, тем не менее, интонация Горенко и линия, предложенная ей, оказалась востребована в молодой поэзии 2020-х.

«Расщепление» авторского «я-высказывания» до «мы-высказывания», о котором пишет И. Кукулин, приводя этот приём в качестве демонстрации одного из способов создания деконструированного героя, отмечен также и критиком Денисом Соловьёвым, который считает, что «мы» у Горенко — это своеобразный экстатический метаморфоз «монологического диалога»³². Отчасти именно феномен «расщепления» автора в текстах Горенко видится мне не столько продуманным действием, сколько поэтическим «уловом», пойманным Анной в результате опытов с изменением сознания³³. Последние давали автору возможность раздвоиться, расстроиться, увидеть себя извне, «витать над собственным телом», писать самой себе письма; словом, «расщепление» растёт у Горенко из того же корня, что и «визионерство»:

---

³¹ Е. Вежлян в упоминавшейся уже статье «Заметки на полях невозможной книги» (Лехаим. Январь. Тевет 5771 — 1(225)) пишет: «...достаточно вспомнить посмертную судьбу таких "культовых" фигур прошлого, как Виктор Цой или Александр Башлачёв. При всей поколенческой разнице и разнице в сферах приложения деятельности они руководствовались сходными с Горенко установками. Но в их случае академическим штудиям предшествовало посмертное существование в модусе мифа, превращающего биографию в легенду, а её соучастников — в жрецов нового культа, посвящённых. Такое ощущение, что этот-то мифогенный механизм в случае Горенко забуксовал, и возникшую неполноту, недосказанность поспешили восполнить актами академической канонизации. Для такой жизни кажется недостаточным "вернуться в Россию — стихами", только ими. Но иначе не вышло. "Уход" сработал, ибо был "последователен", а миф — нет».

придумай мне сестру
моя сестра просила написать роман
ей нечего читать ну напишу
если ты придумал что она плохо видит
она плохо видит она говорит
я вижу плохо вчера не видела что ты мне написала
а сегодня я вижу пропустив четыре страницы
не понимаю что-то случилось с ними, в романе
они говорят совсем другими словами
сделай как было
я сделаю всё как было

В стихотворении «придумай мне сестру...» автор не просто расслаивается на несколько человек: каждая ипостась предполагает вариации, такие, как придуманная сестра, которая хорошо видит (она равна автору в момент искусственно вызванного эпизода ясновидения), и та, которая видит плохо (автор вне такого эпизода). Кроме того, ипостасями являются герои романа, который «пишет» автор, — ведь это повествование о нём самом. Существование в нескольких слоях одновременно может быть мучительным, оно навязчиво преследует автора и, вслед за ним, читателя («одна похожа на тебя но недостаточно», «Когда ты слышал речь на звук и сам себя смотрел», «вот, мы брат и сестра / пойдём спустимся в пустоту»). «Расщепление» подталкивает автора к мотиву спящего/спящей, за которым/ой кто-то навязчиво наблюдает, и реальность в таких случаях также разделяется на

---

³² Соловьёв-Фридман Д. Тело Анны как некое русское авангарда. Топос. URL: <http://www.topos.ru/article/1493>

³³ Это тот редкий случай, когда я, в поисках генетического корня приёма, использую не литературоведческий, а личный медицинский опыт наблюдений за определённой когортой пациентов.

несколько, включая те, которые конструируются в восприятии созерцателя, и те, которые видит спящий во сне. В это время само стихотворение существует параллельно всем этим реальностям, вернее, вне их и над ними; автор же силой своего взгляда удерживает все реальности одновременно.

Сон... Смертным потом волосы твои
к остывшей прилипают голове
о господи сейчас твоей щеки
я прикоснусь в снегу и на траве

Приём «расщепления» на множество маленьких «я» у Горенко имеет одно важное отличие от появления в тексте «Другого» как персонажа. В случае, когда «мы» или «ты» у Горенко равны её «я-двойникам», все отражения в тексте действуют заодно или нейтрально по отношению одно к другому; если же между ними и возникает какое-то чувство или действие, то они окрашены атмосферой безвременья или сна, в которой нет места эмоциональному конфликту, а есть созерцательность, аксиоматичность, игра: «я любая справа или слева / от ворот прекрасного Сайгона»; «вслед тебе льётся лес ели и желны / достигая тебя зеленея вовсе смывая»; «лжёт и слышит меня осязаема тень твоя / тяжела и нежна и колеблема влагой сна»; «второе солнце смерти поднималось / железное над городом Но мы / не слушая его опять пытались / прикрыться пыльною одной полой зимы».

Совсем иными оказываются тексты, в которых появляется реальный адресат – истинный «другой», то есть «ты-не-я». Такие тексты имеют особую эмоциональную окраску; в ряде случаев это любовная лирика полуприрученного дикого зверя, в отдельных (возможно, редких) эпизодах транслирующего нежность и доверие.

Мы могли бы жить на малой садовой
и деревянный пол неперескажем
я люблю тебя Скажи мне другое слово
недоступное лёгким деснам и поцелуям

Но в текстах Горенко появляется и другое «ты-не-я», обозначающее «ты-адресата» и «ты-оппонента». Такие тексты можно распознать по присутствию в них болезненной дисгармонии между «я» и «ты-не-я»:

Пока мы спорили готово дело! как листья уши волосы и звёзды
упали руки-ноги под скамейку их ногти не ревнуют наконец.
А крови-то аж маленькие дети
кораблики пускать понабежали – шумят.
Как вдруг ты застеснялся и спросил –
а что, тебе совсем-совсем не больно?

В связи со стихотворением «Первый верлибр»³⁴ хочу процитировать отрывок из воспоминания В. Тарасова, эпизод, когда Анна, бредя рядом с возлюбленным по улице Нэвиим в Тель-Авиве, заводит разговор о стихосложении: «Ты всё время говоришь об интонации, я это так понимаю – не ездить на рифме, сказала А. И тут же добавила, – но надо ведь больше! <...> тогда-то я и сказал ей: Выкинь всё, написанное в рифму, и начни заново. Почему-то она восприняла это крайне драматично: «Что? И лю-

---

³⁴ На самом деле в строгом смысле слова текст «Первый верлибр» таковым не является, более того, в самой середине текста, через несколько строк после того, как героиня начинает отрезать от себя части тела («сажусь на скамейку и потихоньку начинаю...»), появляется силлаботонический метр (ямб), и стихотворение к своему финалу превращается в белый стих («что я на улице одна среди погоды / и нечем даже денюжку поднять»).

бимый Логос выкинуть!?! – воскликнула. Я не знал, о чём она. Вообще её стихи на то время практически не знал»³⁵.

«Другой» в этом тексте оценочно охарактеризован, наделён речью и поступками. Цель, ради которой героиня Горенко отрывает части от собственного тела, остаётся за кадром, но на происходящее её собеседник реагирует довольно вяло.

Как вдруг ты застеснялся и спросил –
а что, тебе совсем-совсем не больно?

В ответ на это у героини происходит эмоциональный всплеск в виде долгожданной радости (не ради неё ли всё затевалось?), и она торжествующе спрашивает собеседника: «Что?! А тебе – не больно?».

Мотив отсечения частей тела довольно распространён в европейских авторских и народных сказках³⁶, прямое изображение самоповреждения отражает условия духовного пути, нравственного испытания, а также отречения от собственного тела³⁷. В египетском фольклоре присутствовало множество вариантов историй, где фигурировало членовредительство по отношению к богам, в том числе миф о расчленении Осириса и сказка «Тяжба Хора и Сета», в которой у богов отсекаются пальцы, головы,

---

³⁵ А. Горенко, 2014. С. 132 – 133.

³⁶ В сказке «Красные башмачки» Андерсена девушка просит палача отрубить ей ноги, пляшущие в красных башмачках; в сказке Братьев Гримм «Девушка-безручка», восходящей к немецким народным сказкам, девушка позволяет отцу отрубить у себя сначала руки, потом язык.

³⁷ Иваньшина Е. Вокруг «Снежной королевы»: о мифопоэтике Андерсена // Филологический класс. 2017. № 4 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vokrug-snezhnoy-korolevy-o-mifopoetike-andersena>

руки, и в итоге каждая утраченная часть тела восполняется и замещается новой, дарованной свыше и драгоценной³⁸. Батай в статье «Жертвенное самокалечение и отрезанное ухо Винсента Ван Гога» пишет о т. н. «жертвенном калечении», которое составляет суть обряда инициации (переступание границы взросления индивида)³⁹. Наконец, Пропп в числе прочих описывает фольклорную историю («Сказка о Катоме»), в которой человек с отрезанными ногами в финале восполняет утраченные части тела и этим обретает власть над тем, кто совершил над ним жестокое деяние⁴⁰. Имея в виду всё вышесказанное, можно предположить, что цели ауточленовредительства, совершённого героиней стихотворения «Первый верлибр», могли состоять как в окончательном избавлении поэта от материального тела (и/или заменой его другим («золотым»)), так и преодолении процесса инициации («Выкинь всё, написанное в рифму, и начни заново!»); кроме того, в тексте явно прочитывается подспудное желание героини обрести власть над тем, кто подталкивает её к переменам.

Несмотря на то что В. Тарасов в комментариях к сборнику яростно замечает: «Систематические кивки в адрес того или иного автора <...> при анализе стихов Анечки лишь затирают и обесценивают неповторимость её поэзии»⁴¹, нельзя коротко не упомянуть о влияниях на стихи Горенко как современных ей ав-

---

³⁸ Мурашко А. Немти и золото: религиозное насилие и семантика наказания в древнеегипетской сказке // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nemti-i-zoloto-religioznoe-nasilie-i-semantika-nakazaniya-v-drevneegipetskoj-skazke>

³⁹ Батай Ж. Жертвенное самокалечение и отрезанное ухо Винсента Ван Гога / Пер. с фр. А. Зыгмонта под ред. В. Крачек // Опустошитель. 2016. № 19. С. 129.

⁴⁰ Пропп В. Исторические корни волшебной сказки / Науч. ред., текстолог. коммент. И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. С. 284.

⁴¹ А. Горенко, 2014. С. 117.

торов (Йона Волах, В. Тарасов, М. Генделев, Г.-Д. Зингер), так и поэтов предшествующих поколений (М. Цветаева, О. Мандельштам, Д. Хармс, Е. Шварц) — тем более что сама Анна, наделённая даром эмоционально погружаться в соприродную поэтику и брать её элементы в качестве строительного материала, делала это с горячностью и страстью: «Анечка, ну что ты всё время о Мандельштаме, больше нет никого, всех отменили?.. Слаще других, говорит»⁴².

Вместо «систематических кивков» в стихах Горенко я вижу пропитанные, как губка, живой вовлечённостью и чуть ли не чувственной привязанностью оммажи и оправданные этой вовлечённостью смелые присвоения «чужого слова», причём в случае, если Горенко испытывает отторжение чужой поэтики (Бродский), она делает это с великолепной яростью, не сказать наглостью.

В случае же «влюблённости» в чужую поэтику (так с Мандельштамом и Цветаевой) рядом с цитатой (в большинстве случаев — искажённой и обыгранной) Горенко порой помещает своеобразные «метки любви»: прикосновения, поцелуи и образ сладостей. Сладкий вкус в её стихах связан как с образами смерти и райского сада, так и с поэзией, вернее, с теми любимыми (и потому — сладкими) авторами, которых Анна читает и от которых «питается»: «три сладкое клеймёное плечо»; «но пересохшая речь сладка / нетравоядному истиной чумной // отговаривают рощицы снегиря»; «дома как стопки детских книг <...> смотреть как тихо почему целует никогда»; «скажи что стало с Гаммельном моим <...> лёг тёплый снег ложись и ты со мной»; «Мы могли бы жить на малой садовой <...> я люблю тебя Скажи мне другое сло-

---

⁴² Там же. С. 105.

во / недоступное лёгким дёснам и поцелуям»; «Однажды в городе Санкт-Петербурге Борик очень любил сахар»⁴³ и др.

Такие «любви» Горенко к поэтам, которые оказались «слаще других», вероятно, работали в её жизни как своеобразный энергетик или топливо. Лежащие в их основе чувства не имели отношения к материальному миру, но связывали автора с миром «по ту сторону», само предчувствие которого было сладким.

* * *

Вместо эпилога.

«Анечка была и осталась дорогим моему сердцу человеком, существом, которое я любил, а она хотела только одного от жизни — меня, целиком и навсегда». (В. Тарасов)⁴⁴.

Желания держи мои запястья

А осторожно

В прекрасной арматуре несвободы

Мысль о роли окружения, повлиявшего на поэтический голос Горенко, неотделима от рефлексии вокруг её текстов. Особенности среды, в которой возникали эти тексты, предполагали не только свободный выбор автора как человека (от любовных связей, увеличивая количество которых Горенко как бы избавлялась от собственной телесности, до отсутствия иных самоограничений), но и выбор несвободный. Статус Горенко-«ученика», её «младшее» положение в союзе «Тарасов – Горенко» хорошо иллюстрируют

---

⁴³ А. Горенко, «Превращения мумрика-думрика». Проза. См. настоящее издание.

⁴⁴ А. Горенко, 2014. С. 87.

воспоминания самого Владимира Тарасова; скажем, случай, когда, Анна показала свои тексты Михаилу Генделеву:

«Потом Анечка пришла ко мне с изуродованным автографом, рассказала, как и что, я отреагировал резко: одно из двух, дорогая, – либо ты блеешь бабочкой и примериваешь генделевские ужимки к своему плечу, как Кудрявцев⁴⁵ (но сюда тогда не приходи), либо... Она меня мгновенно перебила, полились признания, захлёб эмоций – вскрик: только не прогоняй!»⁴⁶.

Это признание, короткий эпизод из длинной истории разных оттенков отношений Тарасов – Горенко (мужчина и женщина, старший и младший, редактор и автор, учитель и ученик), хотел того автор комментария или нет, выявляют остроту созависимости двух близких людей, напряжение и искру, которая неизменно высекается в результате такого противостояния. На основании этой глубокой связи именно Тарасов стал редактором посмертных сборников Горенко, внося в них изменения, казавшиеся ему наиболее логичными: «...в ряде случаев, где А. просила помощи, подправлена строфика»⁴⁷; «Из 6 строфы нашего издания выкорчеван также туповатый чернушный гон – потому что не её. Авторский голос сразу чище звучит»⁴⁸; «о его безупречности»⁴⁹ сказать можно много, не исключено, что по ходу записи я вставил что-то и от себя, с Божьей помощью»⁵⁰.

---

⁴⁵ Признан Минюстом РФ иностранным агентом на территории РФ.

⁴⁶ А. Горенко, 2014. С. 120.

⁴⁷ Там же. С. 84.

⁴⁸ Там же. С. 99.

⁴⁹ Речь идёт о стихотворении «сквозные выплески от ветра...».

⁵⁰ Там же. С. 144.

Проступающая в заметках В. Тарасова история их с Горенко противостояния, с известным допущением, напоминает мне историю противостояния между Егором Летовым и Янкой Дягилевой. Е. Летов в книге «Моя оборона» пишет: «Раздражающую меня такую скорбную, пассивную и жалкую констатацию мировой несправедливости, заметно присутствующую в Янкином голосе и исполнении, я решил компенсировать собственной агрессией... Возможно, в результате возникло не совсем ей СВОЙСТВЕННОЕ (а может быть, и совсем не свойственное), зато получилось нечто ОБЩЕЕ, грозное и печальное, что в моём понимании – выше, глубже, дальше и несказанно чудеснее изначального замысла»⁵¹. Собственно, речь идёт о песнях «Ангедония» и «Домой», что говорит само за себя.

«Домой придёшь, сядь и сделай. Минимум рифм, максимум свободы, с перепадами в метре, например, как слышишь. Верлибром придётся овладевать, двадцатый век, такое упражнение необходимо. – А если соскользну в прозу, спросила А., это не страшно?..» (из комментария В. Тарасова к пьесе в одной ремарке «Бродский пользуется ситуацией»)⁵².

Такое обнажённое и откровенное, сродни постельной сцене, описание творческой поэтической «кухни», на которой орудуют шеф-повар и подмастерье, честно говоря, шокирует не менее, чем дальнейшее повествование о совете Тарасова «выкинуть всё, написанное в рифму» и «слепое» повиновение ученицы, после которого какое-то количество текстов «пришлось восстанавливать»⁵³. И всё же такое избирательное повиновение

---

⁵¹ Егор Летов. «Моя оборона». Цит. по: <https://www.sobaka.ru/entertainment/music/118021>

⁵² Там же. С. 133.

⁵³ Там же. С. 133.

«старшему» Тарасову «младшей» Горенко (которая, как видно из корпуса текстов, любила ёрничество, передёргивание и вообще была бунтаркой) видится мне хитрым способом покупки индугенции, дающей Анне воображаемое право на самоуничтожение и/или метафизическое членовредительство.

Но что любопытно: даже уничтоженный и никак не восстановленный текст Горенко парадоксальным образом (как почти всё в творчестве нашего поэта) был бы способен вписаться в корпус её сохранившихся стихов в виде «слепого пятна» или аналога текста, скрытого под кляксой Луи-Кюрье⁵⁴. За уничтоженными стихами Анны Горенко может скрываться всё что угодно — и это слепое пятно в некотором смысле отгораживает их от нас чем-то вроде «облака незнания» из средневековых английских текстов, за которое невозможно заглянуть, не повредившись рассудком. Более того, «облаком незнания» (или, возможно, «одеждой рыхат-лукума»), даже при наличии стольких критических статей, посвящённых творчеству Горенко, окружены не только отсутствующие, но и существующие её тексты (а на самом деле вообще любые тексты). Не потому, что окончательная трактовка их невозможна, но оттого, что чтение стихов, от которых потом делается «сладко», предполагает наше изначальное «незнание» о них или «забвение» всего, что мешает нам ощутить их вкус и увидеть их своими собственными глазами, всё — одновременно.

---

⁵⁴ История о кляксе Поля-Луи Кюрье, бывшего артиллерийского офицера наполеоновской армии, охотившегося за текстами Ксенофонта и случайно обнаружившего утерянный кусок из «Дафниса и Хлои» Лонга. В процессе переписывания фрагмента в библиотеке Флоренции Кюрье случайно проливает чернильницу именно на ту страницу оригинала, где находился утерянный фрагмент. См. по теме: Черноглазов А. Казус кляксы. Новые размышления о видимом и невидимом. — Санкт-Петербург, Яромир Хладик Пресс, 2024. С. 7 – 23.

ЭТО СОН, УСПОКОЙСЯ

* * *

просыпайся умерли ночью поэты все-все
в подвале больницы они занимают три полки большие
одни опухли ужасно,
усохли другие
а один так воняет санитары и те
намекают друг другу на это

одевайся посмотрим
только пригововых тех шестнадцать
айги ещё не считали
их вставные зубы раздали слепым детишкам
для еврейского карнавала

или, знаешь, пожалуй, останемся дома
говорят, там пожарники и милиция
я боюсь милиции
ты боишься пожарников
Наталья боится волков
останемся пить лимонад
вспоминая
как ходили поэты на парад – трум-пум-пум!! пиу!

1995

* * *

Там краеведческий музей один лежит на пепелище
Мой дом! Скорей, беги к нему
но нет Один чердак туману покорный реет над землёй
а где же оба этажа
кирпичной смерти незадача

1991

* * *

шведская датская лодка гуляет во тьме
чёрная бабочка рядом со мной на стене
знай я носящихся лодок боюсь и огня
бабочек справа и слева и возле меня

жизнь обернулась как слабый исколотый миф
чёрные бабочки грудью садятся на риф
и как в янтарь неизбежно врастают в коралл
ты не спасёшь меня ты это сразу сказал

выйдешь на улицу лодка несётся смеясь
вёслами врозь на ладонях поющая грязь
дома вся тьма или гости с железом в руках
демоны воют в зелёных зачумленных рвах

Апрель 1998

УПАДОК

Облезли бархатные туфли
Снял гобелены кредитор
Икра и устрицы протухли
Бычки Герцеговины Флор

Лежат повсюду на паркете
В рояле плавает дюгонь
В саду вишнёвом злые дети
В костёр бросают том Гюго

Сосед уж не звонит а звонит
От нас в Житомир не спросясь
С утра в окошке голубь стонет
На мрамор испражняясь всласть

В почтовом ящике томятся
Угрозы штрафы и счета
Глаза закроешь деньги снятся
Глаза откроешь нищета

Ни в банк ни в гости не пускают
А в день что отключили газ
Мой муж признался умирая
Я пидорас

Его бесплатно похоронит
Наш добрый пастор но ужель
Меня хозяева прогонят
В облезлых туфлях на панель

1999

* * *

Убогие глаголы и проводка
снаружи стен
так близко находящаяся ветка
от ясных вен
она одна железная дорога
опасней нас
её железных дёсен длится нега
впадая в лес

1996

* * *

скажи что стало с Гаммельном моим
он мой флажок свивается на древко
как простынь со стола стекает в реку
его пастух прицелился за ним
свалились этажи моих домов
осыпались они не удержались
смущённые цыгане разбежались
и птица-мышь касается полов
ложится тёплый снег на городок пустой
на мёртвые тела живые крыши
лег тёплый снег

ложись и ты со мной

1992

* * *

Поёт и плачет офицер за стенкой
промок воротничок и плачет
Почему же я знаю что он офицер?
А, это сон, это сон, успокойся,
слюнявое сердце моё, отвернись и проснись.

Истратил он марки бумажные деньги
на медные деньги взглянул –
монеты как пятна мочи
зачем же он поёт о чём он плачет
чего он требует у стула и кровати
за стенкой за стенкой за едкой извёсткой
и как подглядеть моё сердце и как сострадать

не убил и не поплакать нежно
не предашь и сладко не полюбишь.
Сердце моё! выкуем тонкие слоги
уроним их в вену перелистнём страну
после десятка страниц беспредметной тревоги
офицер на снурке повесится я усну.

1997

* * *

В день торжества электросвета
в час накренившегося лета
мне снится город заповедный
весь набережный весь подлёдный
из ночи плотной непроглядной
где выпросталась дверь парадной
мне снишься ты в дожде и стуже
в ознобе в бедности и хуже
но всякий раз в густом покое
когда ни словом ни рукою
ни силой воли ни досадой
ответного не вырвать взгляда

1988

* * *

Мы могли бы жить на малой садовой
и деревянный пол непересказуем
я люблю тебя Скажи мне другое слово
недоступное лёгким дёснам и поцелуям

кровь в реке империи для питья легка и приятна
и от надсадной чести ломило зубы
давай вернёмся за грошик лодкой обратно
где у в с е х в дыхательном горле медные трубы

1992

ПРИГОРШНЯ

Когтист и алчен воздух века
истошных толп и лёгкой дичи —
расцвета пагубы и лака,
телесной музыки обличий.

Я лишь коснулась — ткань сияет.
Теперь на радость ты коснись —
здесь в этот воздух тёмно-синий
алые ягоды вплелись.

Я знаю — мёду литься сладко
и поступь августа — печать.
Течения прозрачна лепка.
Смотреть и миловать. И ждать.

* * *

Желание держи мои запястья
А осторожно
В прекрасной арматуре несвободы
Жуя но ни за что ни на манжеты
Жираф идёт по жёрдочке смеясь
Не выдавая сдержанный эпитет
Железные журналы жарко дышат
Не скажем мы какая ты моя
Но —
— плечи — брови —
Съела серых ягод
А иволга —
и три альбома пагод
Поддерживают книжный магазин —
Где продаётся рядом апельсин
Накапливая метр и размер
Как стенка белый пляшет офицер
Он помнит с детства все слова на -овка
У нас в руках для рифмы есть винтовка
А ты опровергаешь всякий цвет

Предположительно 1990

* * *

юннат беспризорный могильщик
ты клеил серебряный гроб
но что мне до смерти я птичка
я зоологический сноб
умелец роскошный курильщик
ты думал я жить не хочу
я жизни не знаю я птичка
я небо верчу

1992

Хочешь я стану как эта тётя
Ради тебя сейчас?

А я ворую слова они липнут ко мне
Как рахат-лукум лукавы к рукам
Я как турецкий мальчик плоско ложусь на дне
в пару парилен в крови в порошке ислам
(Убедись у меня на каждой руке
как у Сына Божьего – срам)

Я вымогатель и мародёр PhD моральных наук
Я шантажирую сам себя тем что если а вдруг
Я юродив циничен мёртв
Я обменяю душу на восемнадцать глаз
Вот я загляну тебе в рот
И – съем словарный запас

И что бы ни было, знаешь, я – жадно и зло,
А ведь раньше нежно умел,
Прежде бы тело само легло
Но я любил и не смел
Я прекрасных слов не жалел ковал я увидел тысячу снов
Я на боку углём рисовал сам на себе любовь.

Я успел привыкнуть жить не боясь света и темноты
Теперь ты прав я уже никто, по крайней мере не ты.

Лето 1998

* * *

я выхожу из провинций моей души
я тотчас вижу сбоку: тело может быть норка птицы
но не летучей а гуляющей и чуть прыгать.
конечно не пёстрой.

и таких полезных вещей немало я повстречаю —
домики, послушные травки и другие коряги
по пути к столицам.

1992

* * *

Д. З.

Отступление тьмы на поворот за Латрун
наоборот повтори
наступление тьмы за поворот на Латрун
отворот рукава возверни на один оборот
осмотрев
кожа скучнеет к утру
Я
всё объясню и пойму
ветром
неверным
относит
скользким авто
на невьюжную тьму
и тем самым зелёные косы
позволяет моей голове
так меня насовсем и отпросит
вниз катиться у тёплой земли в рукаве.

1991

* * *

Одноместный самолётик прыгает через заборчик
Двухместный самолётик прыгает через заборчик
Трёхместный самолётик поганка не хочет прыгать
и ему ставим клизму
и
Трёхместный самолётик прыгает через заборчик
а следом и складной кораблик
с тыщеместной двухсалонной древнегреческой галерой
и уже потом, тихонько, – паровозик
только с местом для пилота и трамвайною подножкой.

Паровозик
улетает в небеса
ветер треплет ювелиру волоса –
паровозик обгоняет стайка вшей
понемножку напевая о любви
Ювелира полицейский не слови...

Шпалы и холмы родной земли
не видны уже
На подножке пляшет ювелира
длинная нога
Гагауз же он машиной управляет
жмёт педаль не отнимая сапога

В сумерках к большой воде Босфора
гагауз подлил своей слезы
степь свою покинул я с позором
купоросом не обрызнувши лозы!
Ювелир блевал в пролив и пукал
крепко-крепко поручень держал
я не Байрон со стыдом он думал
гагаузов я не отстоял

...Гагауз крещён был Константином
ювелира звали просто Джеф
они покинули родную степь
смущённые войны картиной
и в Палестину паровозик
воздушный направляет бег.

1992

* * *

С акцентом на губное «ц»
При розе с ржавым краем
Гуляет пеньё на лице –
Мы это чудо знаем

И синее зияет «эс»
В полуслепых агатах
Мы знаем много из чудес
О лодках и ягнях

Мы можем озеро вписать
Почти в любую стену
Нам это чудо повторять
Смешно или блаженно

Август 1998

* * *

Несколько смертных строк смертному телу
столько же светлых мук светлому взгляду
бедный твой город: картонный, а белый белый
белой гостиной славный фонтаном садом

скаредный всхлип а выдох на всё согласный
сводной одной минутой явился скудный
смутный вид сбоку сиял красотой напрасной
ссадиной рта простудной

так проплывая слои атмосферы серной
мягкие ткани памяти проникая
вслед тебе льётся лес ели и желны
достигая тебя зелена вове смывая

1990

* * *

дома как стопки детских книг
лежащих поперёк
возьми меня с собой на юг
где каменный песок
возьми снеси меня к себе
где лёгкая вода
смотреть как тихо почему целует никогда

1992

* * *

придумай мне сестру
моя сестра просила написать роман
ей нечего читать ну напишу
если ты придумал что она плохо видит
она плохо видит она говорит
я вижу плохо вчера не видела что ты мне написала
а сегодня я вижу пропустив четыре страницы
не понимаю что-то случилось с ними, в романе
они говорят совсем другими словами
сделай как было
я сделаю всё как было

1995

* * *

Я буду ранний серый чай
Поднастилать под изголовье
Я также голову сложу
К ногам Офелии моей

голову источников подземных
на тарелке принесу несупной

Чтобы по блюдечку покатывалась
Слюной пророческой заборматовалась!

И,
Заботливо причесавшись – как Лорелея –
Как девственница со стулом,
с подносом во сне вальсирую...
...здравствуй твоя офелия смертная орхидея
куда ты себя дюймовочка положила...
Здравствуй, твой Андерсен!
(нежно-женское имя)

.....

Не обронив офицерской чести ни один лепесток,
под ракиновый кусток
в американский песок
буду похоронить. Да не кантовать!
ути моя незаразная леди:

безупречной как шага
еврейской рукой
моей! в песок! под апельсиновый лоскуток!
в атласно-матросский вечный покой!

В следующей реинкарнации будешь скворечником? –
вроде Гарсиа Лорки?

1992

* * *

Я лисы
на прежнем месте Бога и людей
и носится бумага надо мной
шурша шурша
сама собою чёрною собою
шурша

* * *

в городе где тёмные соборы
где зато блестящие газоны
я фаянсовый стакан позора
жадно выпив встала у Сайгона
кровельным железом смотрит небо
не мечтаю жребия иного
я любая справа или слева
от ворот прекрасного Сайгона

1988

* * *

<Смерть> на моих погонах
Дрожит как маленький рот
<Сердце> огнём зелёным
Горит и гуляет вброд
Взгляни на меня, я амёба —
Плащ легко облезает с плеч
Я вдыхаю липкую воду
Успевая её поджечь.

Жив брезглив невоспитан
А ну, наклонись надо мной —
Застыца едкого дыма
Ёжу глаза я — ой
С каждой затяжкой ой
Я всё больше — ой, ой умеючи: вдох
— ах, я боюсь огня!
Предъяви же мне удовольствие —
Попрезирай меня!

(Оседая на склоны
С губ облетает страх
Маки и анемоны —
Это лишь эхо в горах.)

1995

* * *

Тело за мною ходило тело
Ело маковый мёд
А теперь довольно, мне надоело
Я во власти других забот

Я в зубах сжимаю алую нить
К ней привязаны небеса
Я всё выше, выше желаю плыть
Я хочу оставаться сам

Гильотина света над головою
И мне дела нету до нас с тобою
Пусть они в разлуке, в беде навеки
Я сегодня сам и мосты и реки
Я огонь и трубы, вода и мыло
Я что хочешь, лишь бы тебе польстило

Я Ариадна скалою у грота
В зубах нитка, во рту монетка
Я себе Ариадна, Тесей и Лота
Я голубка, детка.

1998

А Я ВСЁ ЭТО ВИДЕЛА

* * *

припали крылья мои к спине
и воздух к дыханию глух
ты знаешь имя моё но не
его произносишь вслух
и вовсе поздно рассвет кладёт
мне на лицо ладонь
скоро меня господь приберёт
праздничный как огонь
ах он возьмёт меня насовсем
всего позволит просить
чем дальше от дома он скажет тем
легче всё позабыть

Октябрь 1996

* * *

где ангела одежды золотые? надень что было сил!
разомкнутые небеса почти большие
господь почти на волю отпустил
ты в райский день роняющий качели
на берегах миража видишь сон
ты видишь тень мою в своей постели
расплавленную каменным песком

1992

ПЕРЕВОД С ЕВРОПЕЙСКОГО

Андрюше Гликману

Словно Англия Франция какая
Наша страна в час рассвета
Птицы слепнут, цветы и деревья гложнут
А мне сам Господь сегодня сказал
непристойность

Или я святая
или, скорее
Господь наш подобен таксисту
Он шепчет такое слово каждой девице
что выйдет воскресным утром
кормить воробья муравья и хромую кошку
из пёстрой миски

А в хорошие дни Господь у нас полководец
И целой площади клерков, уланов, барменов
На языке иностранном, небесном, прекрасном
произносит такое слово, что у тех
слипаются уши

Господи, дай мне не навсегда но отныне
мягкий костюм, заказанный летом в Варшаве,
есть небольшие сласти, минуя рифмы

изюм, например, из карманов, и другие крошки.

Терезиенштадт, апрель 1943*

* Датировка авторская. Год написания – 1999.

* * *

дарам причастное стыда
томительно оно стекало
стекало зеркало куда
ещё не заглянула сила

ах, эта сцена на двоих! —
нам тоже на двоих хватало
занятий медленных как стих
горячих как огонь и шалых

день длился полон торжества
предчувствий мгла забила в угол
а горизонт делил на два
волшебник взявший мел и уголь

Предположительно 1989

СЕВЕРЪЮГ

Любовь есть ночь: Бог не видит любящих.

Сартр

Мы жили в раю мы не знали что делать с собой
свет возле окон боялся войти как живой
Между воды нам вложили пластинку сухих
на четырёх цеппелинах лежащих небес
Звёзды за городом резали взвившийся лес
пение леса летело на ломтики крыш
В наших краях время темнее слюды
здесь же в раю зима и бела и темна
и между нами свобода стоит как стена
Жили в раю увернувшись от медной иглы
бедной войны и торговли и воли слепой
Выйдешь – прохожие все влюблены или злы
Только воротись – и затомись собой

*холуй трясётся ложи блещут
и мачта гнётся и скрипит
и я лицом в чужие вещи
от удивления визжит*

*съев ломтик мёда лучше смыться
не то поймают и простят
нет я не сможет возвратиться
в заветный край простых цитат*

*всё что звалось сердцумило
теперь зовётся обылом
твоя чернильница остыла
луна сгорела под столом*

Измывайся как прежде и каменный рай и литой
изводи своей смрадной
нетрудной своей красотой

и коростшный клюв грифонов с монет и ворот
щедро вскармливай слизью и бронзовый слизывай пот

то куда ты попала есть райский навязчивый сад
высоко это север а здесь не едят и не спят

*кто о достоинстве и равенстве накажет
кто вынет лести коготок из горла твоего
рот аккуратно запаяй и шторы опусти
приди к себе а там сидит письмо
Тереза я тебя люблю но знай что кровь твоя сладка
рот аккуратно запаяй и шторы опусти
моя любовь повсюду здесь но кровь твоя сладка сладка*

В южном раю среди статуй одетых под снег
странствуй одна в изобилии дареных нег
чтобы уснуть ты обязана что-нибудь съесть
на четырёх цеппелинах витает небесная честь.

1997

* * *

Томлению внемлют случайные мысли
велеие телу, прозрачны на вес
отточенным звуком которые числим
явления сладких и быстрых чудес

Мы это зовём ни изюмом ни вишней
малины пригоршни ворованный мёд
и медный оттенок рассеянный выше
и перечень медленный наперечёт

А кто не вкусил это терпкое время
и нежную горечь со дна не испил
чьих слов не исторгло ревнивое пламя
приблизив к престолом пронзительный стиль

их в наше дыхание мы посвящаем
делясь изумления тонким вином...
Томлению внемлют мысли случайные
Веление радости вещим огнём...

Предположительно 1989

* * *

Сон... смертным потом волосы твои
к остывшей прилипают голове
о господи сейчас твоей щеки
я прикоснусь в снегу и траве
где ты стоишь пускай ни звук ни свет
уже не проникают до тебя
но для прикосновенья смерти нет
и жизни нет но только
ты любя

Ноябрь 1996

* * *

Видишь солнца алчный ноготь
На вчерашних небесах?
Дай ему лицо потрогать
Сквозь отверстие в глазах.

Нежный и бесчеловечный
Вкус изюма на язык.
Я с тобою к жизни вечной
И к бессмертию привык.

Август – сентябрь 1998

ПЕРВЫЙ ВЕРЛИБР

взяв маникюрные ножнички отрежу себе руки и ноги
не сомневайся
о последней руке колечки маленьких ножничек во рту
немного гибкой этакой гуттаперчевой усидчивости
одолею и эту — разве остаток если назвать кулья выйдет
неодинаково длинен.
Но выталкивая слова как экс-утопающий воду
под рукою спасателя
ты возражаешь — опять! —
что, мол,
аанечка у тебя не хватит терпения
такими ннасекомыми ножничками столько мяса,
не говоря уже о сокрытом — о костном мозге...
забавны мне твои возражения — я швея
я сохраняю покой при виде булавок и игл
если ж и вправду устану ты одолжишь конечно
хлебный нож в соседнем кафе
и
я сажусь на скамейку и потихоньку начинаю
резать с первой ноги по порядку.
Но ты — а тебе присущи увы жалость и милость к падшим
земля и жимолость
недоумённо склонен предостеречь
что я без рук и ног отрезанных бездумно своевольно
не получу ни костылей ни кресла ни денег ни жилья
что я на улице одна среди погоды
и нечем даже денюжку поднять.

Ах ты меня уважил, ну, потешил — как ты не замечал:
я каждый день на улице бываю по чуть-чуть и я привыкла.
Пока мы спорили готово дело!

как листья уши волосы и звёзды
упали руки-ноги под скамейку их ногти не ревнут наконец.
А крови-то аж маленькие дети кораблики пускать
понабежали — шумят.

Как вдруг ты застеснялся и спросил —
а что, тебе совсем-совсем не больно?
Ура! Миг торжества! Где мой ответ? Мои ответы, о, который?
Нет! Но вопросом на вопрос — давно спросить хотелось,
к месту, а?
Что?! А тебе — не больно?

1993

* * *

Жжёт и лижет язык королевская шкура шмеля
теперь мне снится покорность теперь
податливая мне уступает дверь
из-за которой доносится речь твоя

лжёт и слышит меня осязаема тень твоя
тяжела и нежна и колеблема влагой сна
подаваема ею сама и одна она
на расстеленной шкуре поверженного шмеля

и вот на роскошь души извращённость мою возьмёт
кто-нибудь и золото чудных плеч
но не ты ли будешь держать предо мною речь
о смерти шмеля о пуле прервавшей его полёт?

1991

* * *

След от бритвы безопасной
На предплечье у меня
Запах жести безобразный
От постельного белья —
Над моей кроватью стены
Все изъедены слюной
Шевелящееся сено
Русской речи неродной
Мне приносит голубь мира
Только воду в рукавах
Дайте же кусочек сыра
Выживать на островах

1999

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ

Я думал, что сердце из камня

И. Анненский

1

смотри какой бетон какие однако стены
бетонные смотри и это он и здесь мы будем жить
смотри какое небо какие однако стены
небесные смотри смотри
какие сбылись надежды
и вышивки украшают кожу

2

два человека ворона и грач
в ногу по полю идут

волоча за собою калач
утешительный труд

тихо надену и я сапоги
чтобы за ними идти

их межи и зги
обирать по пути

зрению на зиму
впрок

3

как запястье гимназистки
манит радужная смерть
над головою стелет жесьть
и
вместо корпии записки
о сирени

4

полотенце сложив оттого оттого говорю я
свист
удочек лишена идёт дорога одна
и выхода нет не иначе говорить её и нести
за спиной полотенце и сложенный лист на груди

оттого оттого треугольный пугает голос и речь
отлетает вроде души бочком и на небо
оттого оттого мёртвое тело голоса тянется вдоль кювета
как
специальный фильм переходящий в сон

ничего говорю я что платье чужой кафтан самое холодное лето
в январе случится лето и того холоднее
в феврале тоже
но время суток другое
холодное лето зимы

5

так посмотри ещё каких слогов лишил зрачок
и небу отказал в каких виденьях
и арки букв раскачивает зренье
не для тебя тебя
попробуй А деревянное на угол рта не будет тебе мало
О утешало бы но, вот, его сметало и отнесло и унесло от нас
не улетают более деревья
не оставляют места слову рта и пару
и листья никогда не знают меры
холодное лето сменяет жаркое лето
а всё петербурга не видно не видно за вывесками не видно
каких слогов произнесенья улиц лишил себя а
алюминиевое горло гортань одними губами
несколькими выжившими словами рифмой падежной
не убедить себя полюбить друг друга

6

строгий ошейник вчерашний сапог утро прощай
я никогда не знал чем заканчивался рассвет
начинался последний раз вышел весь чай
сигареты улетели на юг вслед стреляя бесполезно

где вернуться они на свет огня и уснут на моей руке
вечным сном бабочки мальборо спи поспи
не дыши во сне неприлично
если спи не дыши во сне

белой копеей дешёвый ток родина, пли!
я всегда забывал где берут закат
нанизывают сигареты на ветку по три
ночь принёс темноту на иголках и снова мир

1994 – 1995

* * *

**Он управляет города заправив маслом
пустой толпы.** он покидает город
на белой белой маленькой лошадке
он заправляет плотную дорогу под тёплое
под швейное копыто
он подшивает многие полотна
под ленту под корсажную дорогу
он оставляет ловкие одежды
приветливо откидывает воду
косою он лежит между лопаток
покорно загорающей земли
спроси же кто о белая лошадка!

проси меня за белую лошадку
кто сшила эти многие полотна
озёра и луга умело ела
и терпеливо и ещё немножко
куда пасутся скомканные львы
испуганные зева синевы
откуда неба прыткие зонты
несутся врозь на кроткие мосты

моя лошадка белая юла
она слеза и слезла и дотла
она исчезла
полдень перегнутой
а озеро синей всегда со мной

1994

* * *

летит пластмассовый стежок
до солнца долетит его не станет
сыграй мне на вилке не то гудок
ковры ушами шевелят
махровые как буквы уши
день светится и листья
на землю падая, кричат

1995

* * *

Сон разросшийся куст
одна моя мечта
смотреть как белая клубится пустота
в его ветвях суставах красноватых

жестокий век я требую всего
что мило мне:
жестокая расплата
и зимняя несчастная любовь
и, тёмная, пусть расцветает кровь
в моём шприце легко
как пар любезных уст
февральским вечером летит в холодный воздух

Апрель 1998

не снимая имени спал и она при нём
в настоящих чулках и эскимо в руке

а у нас ни облачка в небе ни Бога на потолке

– Ночь занимается со всех семи углов
кораблика сорокового года
на чайной ложечке он вынес свой улов
трофейную вишнёвую свободу

А ночь так мякотна почти готова течь
у лампочки фальцетом пляшет смерть
заманивая моль повыше к свету
нет у поэзии ни головы ни плеч
не приласкать и не призвать к ответу
ни толком рассмотреть

Бессмысленна, светло и далеко
гори среди деревьев запятая
льёт на цветы пустое молоко
ночная птица песенки глотает
о, если бы и мне покинуть сетку вен
соломинкой пытаться потёмки
отбрасывать и дым и тень
как прядь с лица снимать как бусы ёлки

когда бы что-нибудь звалось любовь
но уходя он переклеил слово
и птицы прячутся ко мне от зноя в кровь
и пьют её и умолкают снова

1997

* * *

А, человек из соседнего дома!
Тебе не снятся за поворотом
кафе, которых никогда нету
но торгуют ореховое печенье:
милые люди сидят в сумерках в нише
милые их разговоры мне не услышать
но тебе — и подавно.
Дома не станут больше клавиши
и вот, с-над поворота
не падают соборов купола
и никого у пальцев нет заботы
найти в зелёном прошлом.
Потому,
я потому ловлю
ищу на ошупь
сухие и покорные предметы —
они существования приметы
да оттенят они стеклом и дубом
абсурд
и мы на них облокотимся.

1996 – 1997

* * *

Полуоткрытый шкаф алый плащ
полуоткрытый, плащ, алый шкаф
плачь – его нет – алый, полуоткрыт
плачь, о зелень ланит,
о, смоковниц пыль,
о, полёт шмеля!
плачь и смотри как Светлана спит –
как не я
Ап! ты из-под попоны вод
рыбу повлѣк жену
Деревянная раковина поѣт
электрическую волну
Створки суть скобки крылья
сложенного плеча
из многопалой пыли
ночи плывѣт свеча
Гляди!
от меня отдельна, безумна, летит слеза.
Плачь, мебель, сложив колени, ладони, уши,
глаза.

ПЕСНИ МЁРТВЫХ ДЕТЕЙ

1

Ты деревянная дева — вместо спины корабль
И у тебя два брата — брат колодец и брат журавль

Дева с птицей морской послала братьям письмо.
Братья, дайте мне имя — оно долетит само.

Струилась гладкая птица в игольчатых небесах
В горле письмом томилась, близким солнцем в глазах

А братья давно из камня другую сшили сестру,
Дали ей птицу в руки — не выпускай из рук.

Птица деву из камня в сад подводный влекла,
Рядом летело имя — огненная стрела.

Море — такое небо, только во рту с луной.
Из-под воды я вижу — ты горишь надо мной.

1997

2

ГОЛЕМ

Где жизнь исполнена томительной надежды
Листва сгущённой синевой сыта
Верни меня туда —
Там купол крест и флюгер
Пасутся дымкой плавкого стыда

А здесь я крохкий каменный зародыш
Замытый каменным песком
Мне мир назойливый откажет не поможет
А в рыбьем горле цифра с коготком

Ты

прокажённым скармливал малину
полупустыню ставил на ребро
смотреться в миражи вёл тихую скотину
как в собственное львиное нутро.

Верни меня!

Я никогда не буду
подглядывать, как сладко ты поёшь,
обёрнутый в домашнюю простуду
как бы огонь одетый в дождь.

Во рту сухая капля божьей лести,
сама с собой на каменных руках:
На пражских улицах лукавое еврейство
Меня видало в адских детских снах,

где жизнь исполнена томительной надежды
лыжня небес блестит передо мной.
Верни меня и преданно и нежно держать
дитя над мёртвою толпой.

1996 – 1997

3

В моём саду деревянном саду
Из сахарных кирпичей
Зачем так пели единороги
Сминая шелест лучей
(Скандинавские боги Оги прошли спиной):
Их глаза как стаи подводных рыб
Оставайся теперь со мной
Оставайся теперь сейчас никогда

слеза

стекает по сухожилию минуя зеленьланит
! Не смотри им в глаза
У них такие глаза
Как у нас; и от страха теряешь стыд

Тихо песни мёртвых детей
Не оставят следов
В моём деревянном саду
Неосторожные кошки намёки сов

А если летающий на такси
Без счёта пьющий неон
Придёт – мы в комнате натошак
Накрахмаленный воздух жжём

А с утра кричат
И с утра кричат
Мы просто выведем его в сад
И сахар поглотит его легко
Как воду и молоко

1997

4

цветы:
у них запястья непросты
а это? —
ухо или губ
их ледяной
рдяной раструб
прости меня
за их способность кротко ждать
глаз есть
и пальцы отъедать
они живут из-за спины
у них кладбищенские сны
сырые нищие кошмары:
тупые влажные удары по стыдной неодетой
коже
жильё:
прилипло к коже пригорело
и я сию и отдираю
с предплечий:
больно и смешно
тебе же страшно и приятно
смотри же мимо глаз мне в пятна —
я так цвету. Мне — всё равно.

1997

* * *

Не тихой бедности но нищеты роскошной
ищу забыть приметные поля
пусть: я лежу в земле, а воздух и земля —
как две страницы склеились оплошно.

У некоторых крыш ограды высоки
у слов иных есть выклики и сплески —
над нами птицы жалобно-легки
и оттого у них движенья резки.

1998

* * *

одна похожа на тебя но недостаточно
немного вяло уныло
видимо умнее
явления архитектуры тебе сродни
когда случается такое: расстояние
между словами точно
приходится на знак среди домов
и в каждом есть и эр
и а
и крыша
а в окнах несколько нарочитые стёкла
и полицейские над городом кружатся
плохое кино объясняет что с тобой делать
бог с тобою не надо
куда там

1994 – 1995

пряди огня за твоей головой.
Где же мой шарф голубой?

О, высокий расстрелянный дом,
ГОРЯЧИЙ РАЗИНУТЫЙ ПАХ!
маленький Ленин, спи под стеклом,
запах чернил на губах.

1997

* * *

Мы начали произносить слова
сегодня в три
мы начали с частиц
да белое
а нет летает
невнятно мягко высоко
воздушным кубиком в зрачке
не всякий эти свойства знает
нам через радио придётся разьяснять их
разрешать кружиться налегке
без вопросительного знака без упрёка
и
образуя пятый день войны
они несомы станут и ясны
а мы?
разбогатеет продавая
права на запуск нет
не то что да
нет не то что да

* * *

Сошкину

Надсадно яркое о маленькое душно
В неясных берегах
Неслышным искушениям послушны
Цветные ангелы поют о берегах

Неясных алюминиевых тоже
Надсадно яркое кому ты ни скажи
Спроси меня? Но глаз сдержать не может
Цветной сменяющейся лжи

Не синее ль? Но кто меня обманет?
(Неслышен страх)
А искушение полою пыльной манит
(манит)
Где ангелы поют о берегах

Где море юркое где чудных веток душно
И, захватив монету в плотный рот
Двум-трём твоим движениям послушный
Где музыкальный автомат поёт.

1997

СМЕРТЬ КОЛОКОЛЬНЯ ЛОГОС

* * *

Всё Божье небо в позументах
Гусаром ангельским луна
Так спой мне девушка с акцентом
Задуй огниво сна

Я эполеты и венки
Тебе, вокруг немого тела,
Построю — только бы ты пела,
А в небе двигались полки

Покуда ты поёшь и тонешь,
Что слёзы в горле у меня?
Вся ночь одна твоя погоня
И запахпряного коня.

Сентябрь 1998

* * *

Небце синее косое
дурно глянется в меня
поделись-ка ты со мною
полстраною и коня

шмель за угол и нежного покроя
мелькнул и пел поллой полупальто
пой флейта лето это ли не то
шмель на восток
мы были если двое

кем нам его доводится листок
вопроса основательный уток
и восклицанья шалая игла
послушай
в городе сахара не из мела
что это она делала
то ли пела
к локтю её столешница подплыла

или
вот письмо шмеля от десятого пятого из отеля
его лапка ещё пьянела гибелью стилия
а мы уже буквы умели
мы различали
я всё сказал
тем

кто поправил мне воротник
и высморкался в мой шарф
от избытка чувств
я
может как бы и отослал
её-то зашившую мне пальто
я понимал окружающую среду как флюс
или тампон
но в глубине души.

1991

* * *

Твой мякотьный рот искал виноватых а находил
волос в паху или пение птиц ловил
и застревало в горле и навсегда
билось о связки чужое верхнее да

Ты часто давился: сном ли, хлебом изнанки
(лик, осенённый хвоей ёлки-обманки)
став моим словом, слегка отдающим в стон
ты более не страдаешь уже. Приём.

О хиросима ницца благая лесь!
Тебе понемногу снится апокалипсис весь:
сваи стропила кровь кровь асфальт диабаз
дуб мочало орех Иисус хранивший нас

обоих. Солнечный лунный свет
плотен — не отличу от тьмы
Поднимается занавес и паркет
расступается — это выходим мы

Им двадцать первый век? — пусть не отводят глаз!
Это смерть.
Мы приказываем смотреть
наши сны,
не прерывая ласк.

Август – сентябрь 1998

ШТРИХИ

делили кольца и менялись именами
видали чёрных с жёлтым птиц —

...думал в аптеку схожу где в колёсах усатые белки
об изумрудные зёрна резцы притупили
но мусульмане щедры целлофановой пылью...
а ветер приносит нам пчёл с мышами и голоса столиц
и голосами града до колен квартиру занесло
и пчёлы ели ржавое тепло

...

и тёплую ещё живую снедь нам подавали люди на шестах
а холодно и сон не мог согреть

моя самая маленькая птичка

носик невидимый

так любит розы
она сама

декабрь уж полон ясный сад гуляет пением тяжёлым
газель несёт большое горло
любовь
выходит на парад

море ласточкино гнездо крабы величиной с ладонь
или удостоверение личности

я
несколько раз море падало в окно

плоская вода
а если это любовь
а тот кто видел нас с тобою
он умер

он умер забывая нас
а под землёй гуляет газ
согрет зимою
он обернувшись нас с тобою
увидел забывая нас

а мыши ели мёд со стен
и дом
остался позади

...

ГДЕ
хоть что-нибудь

ты

цитата

ещё цитата

ещё цитата ещё повторй это слово наборщик

Январь – апрель 1998

ИЗ ЙОНЫ ВОЛАХ

Когда ты слышал речь на звук и сам себя смотрел
И белый снег как сердца стук как тень ветвей
в ушах шумел

Потели инеем стволы лесов среди домов
Я голубь
Я хотел всё знать
Быть чудный человек
Я плыл в теченьи островов
Я был ребёнком снов
Я сам туда узнал поток
И плавал руслом островов
Где остров белых жемчугов и остров чёрных жемчугов
я на небесном языке своём картинно говорю
и в светлом воздухе веду портреты букв на стих утех

Май 1998

* * *

1

За шесть или семь — не тонких — стен
От меня за шесть или семь
Ну сбоку ну справа раз, два проступило метро

Ночные слова, или, лучше, подземные числа
Ещё не разъяты
Победа не предрешена
Не подали нам окуджава стыда не нужна

Назови же своими словами вот эти и те
Мы присвоим они беззащитны прекрасны в своей пустоте
( ) мёртвая мебель героя на нас погляди
Так и пляшет фаянс в застеклённой но пыльной груди

2

За шесть или семь или восемь сытых погодой лет
Метро и кино успели слиться в одно
Разноцветное развлечение для цветных
(двое или троих) — но его нельзя разделить как сказал поэт
да и рифмы пристойной нет

мы говорим математикой – как бы солгать?
Рябь темноты возьмётся ли нам помогать
Справа ли, слева поверю ли в город родной
И сияет асфальт но я знаю покрытый слюной
Видно время моё истекло

3

У серафима шесть крыльев седьмой угадай
Вырвет язык да и вложит что хочет.

.....

Давай,
Слушай подводную свару трубы и винта
Топ тараканьих бегов или стоны кита
(крика Ионы у них в

синтезаторе нет. Как метро и кино)

.....

На вершок бы мне города! Он бы влез в иглу,
Ею он и грозит и пугает бумажный флот
Город в два корабля и с иглой одной
Посмотри на него и глаза закрой

4

Шесть или семь понятных из стольких слов
Оснащённые жестами, пусть их, бери кто хочет
В скучной ночи нуждаясь в надежде и сне.

.....
.....

Моё отражение, пришито прочно,
Плохо сидит на мне.

Май – август 1998

* * *

Белая пыльная малина как просто так
даётся в детстве в придачу к палисаднику
и соседи двойные рамы битая вата
а тело из белого стало бледным
появилось желание объясниться
видите ли феминистки меня не любя
только бы если не стать феминисткой!
капустницы в холодце подмытые марганцовкой
клацают акульей п..дой
Мама
Мама
только бы не стать феминисткой!
Мама не стать нацменьшинством фашистом
пасторской самкой взрослой женщиной турком
лучше пожарником мёртвым ребенком постмодернистом
только не старостой не багрицким не партизаном
Мама
мои друзья партизаны в застенке
и
чуть только ночь открывают заслонку и выходят оттуда
я не буду это синее молоко с пенкой плёнкой
а ты её доедала
не потому что любишь всё противное а потому
что люди бывают разные
некоторые матери
некоторые дети
и некночи феминистки

дети плачут
матери плачут и едят плёнку от молока матери-героини
бесстрашно вытирают попу
феминистки пьют напиток из сои
Мама

Это только инстинкты Ты
могла бы меня задушить и лгать что на десять лет младше
но плёнка плёнка
выдаёт мать оставленному в угол ребёнку
Янтарные бусы вставные зубы под раздвижной кроватью
бежевый замшевый пояс на синем вязаном платье
что до жизни то оказалась женской
Я уверена что зажигалку под поршень
ты бы также ставила и сокрушалась смерти
но сострадание не определяет судьбу никак

1997

* * *

Я находил старинные слова,
тупые деревянные колёса
Я волчий щебет дорогой травы
пересекал не раз, но не сейчас —
когда был юн и свеж, среди дворцов
среди скворцовых крох
небес пристойно светлых
А был я эстетически доверчив
и добровольно Сартра раскрывал
Я с детских лет боюсь чего попало
от страсти я бежал в трамвай новорождённый
С тех пор люблю я спать под ватным одеялом
враньё и <...>, и секс по телефону

Здесь негодяй пишет стихи о хорьке
Где же искать утешения, как не с тобою
Малоприличная детка о третьей руке
Небо горячее спинка и небо седьмое
В дикой стране меж четырёх столиц
Ты мне являешься в блеске стальных ресниц.
Радовская богоматерь иконка божия
(..... эти она .....)

Страсть достигая уст

душит

живую

речь

Город позорно пуст,

негде с тобою

лечь...

1999

* * *

Медвежий угол речи львиной
Речь львиную крошил скворец
в знойной зелени и синей
Из мякоти и плоти мяса
юродивый ваял дворец
кормил поля насильно славой
кормил и это звал державой
и запрягая в три реки
кормил с гноющейся руки

Предположительно 1999

* * *

сметана есть сметану есть сметана
и ювелиры — ювелиры знают
а гагаузы? гагаузы тюрки
Кагула гагаузы те
пастухи они и психбольные
а ювелиры все мои родные
берут себе национальность сами
сами берут и никого не просят
сметану сами купят и едят

1991

POST FACTUM

1

они в саду играют марш
давай играть в войну
ты будешь мой отец погиб а я тебе рыдать
теперь они играют вальс
а ты и я разврат
теперь ты мой хороший брат а я с тобою спать
затем они сыграют что
но мы давно ушли
здесь звёзды страшные горят у них глаза внутри

1995

2

я маленький японец в кипятке
вода почти до дна достигла
вот врач идёт с предсердием в платке
и к тряпочке платка оно прилипло
а смерть выходит из-за леса
с такой же тряпочкой в руке
ты не ходи ко мне моя принцесса
я маленький японец в кипятке

1992

3

Мы говорим на детском языке
нам громких букв не удержать в руке
а имена степей во рту врага
и в танк его обутая нога
и в ветер смерти вдетая рука
блуждающего христианства
мы пьём из баночек вино
а наших хижин постоянство
военной карте всё равно

1991

4

смерть прикрывает наготу
плотью мальчика головой щенка
вот, мы брат и сестра
пойдём спустимся в пустоту

тогда
по горло во тьме
клеочущие небеса стараясь не видеть
вот, вы брат и сестра
скажут боги прячущие лицо

в этот праздник неспелого хлеба нас некому выводить
от полей каменных злаков чеканной <...>
в этот день несвернувшейся крови некому нас простить
мы брат и сестра
из дельты

голуби
голуби площадей нас научили
жить

1992

5

Цветы живут быстрее тленья вишен
ещё быстрее и слаще жизнь вина
я имени села сюда не слышу
но белая сладка его стена
быстрее белей и слаще наших стен
там церковь по колено в чернозём

1991

6

Одна война зимы две месяц рыбьей кости
я покажу себя тебе ещё
три сладкое клеймёное плечо
космодемьянской на допросе
теперь смотри когда они пройдут
берёзы и табак дурного цвета
затем опять голландия и эта —
чьи створки А нам небо раздерут

где всё плескался твой зелёный глаз
нежадно искажая всё живое
где я одна с тобою
где нету нас

1991

7

Где ночь отвесная в падении свободном
ни перьев золотых ни каблучков
там гладь небесная ещё надёжней водной
смыкается и не даёт кругов

второе солнце смерти поднималось
железное над городом Но мы
не слушая его опять пытались
прикрыться пыльной одной полкой зимы

одним её невнятным одеялом
от собственных холодных светлых глаз
вторая стража смерти всё кричала
по имени не забывая нас.

Всё отделённое страницей, двумя ли,
всё неопасное невидимо. Усни,
чума идёт по улице. Едва ли
после войны ты вспомнишь эти дни.

1991

* * *

всего-то города
цветная штукатурка и остановка с жёлтым гребешком
списки стихов
у бледных женщин между открыток
а где я полуплащике тусуюсь
хлопки
расставленных оставленных небес и реки
пошире строк заламывают взгляд

ваша подружка, министр
муху и туфль можно убить дверью
вот и нету вашей подружки
нюхала волосы у прохожих юрким глазом ванный сток
ломтики рук и ног
смерть выходит из-за леса с мокрой тряпочкой в руке

* * *

Несомый жук в топимый рай
вёл мыслей круглый каравай
по ветру трав под вкусный свет
вот, мыслей нет.

1992

* * *

Дым на снегу котятками клубится
катит
косогором парка –
влекущие когда-то сговором предчувствий
пейзажные черты
уже не обнадеживают.
Привык,
пора в аптеку...

Ночь. Улица. Фонарь. Закрыто.

1998

* * *

Одежда рахат лукума

я приду в одежде рахат лукума
выпросить а чем пагубна моя надежда
растаять в приторной горечи каракума
вкус моей плоти ясен птице сладкоежке
семивороне и белоснежке
чудна чернеет когда стемнеет
ленточка почётного легиона
в углу моего рта
где пустота
после того как синие мотыльки
тёплой души горячую пыльцу
разделят на лакомые куски
и соответствующие ангелы примут её на весу
умереть целиком и заглазно
вдали всякого говори
стать рахат лукумом прекрасно
и сладко у пыли внутри
нам хотелось волос из песка и платья небес
но не бывает
желание отгаревает
рука отбывает жест
рот не узнаёт языка
но пересохшая речь сладка
нетравоядному истиной чумной

отговаривают рощицы снегиря
вспархивает
севера января
не упруго не ломко ласково подаётся твердь
женской пощёчиной лицо другое наносит смерть
смахивая прежнее полбй одежды рахат лукума
нет не требовательно не угрюма я только спрашиваю
или не мало
я выкликаю убора тлену
славы локона и колена

1990

* * *

жест сменится болью
а отзовется криком
Мёртвого моря солью
вдруг обернётся кокон

кто же не думал неба
мне ли не помнить мёда
складок течение нимба
поступь звучания ямба

вкрадчив и бестелесен
танец вторжения духа
чары исторгнутой силы
брага и воздуха порох

стелется речь молитвы
взлёт – уязвлённый возглас
медь наковальня молот
смерть колокольня Логос

Предположительно конец 1989 – начало 1990

* * *

сквозные выплески от ветра
чей жест не может быть отвержен
неузнаваем знак исчезнув
за шёпот тенью заглянув

не может абрис быть и искры
когда зачерпываешь горстью
следы блаженства состояний
перебирая слитки ткани

глаза не могут заменить
на слух расставленную сеть
заговорить не может рот
когда вино в него течёт

отвесной паузой дыханье
согласных дробное признание
чужого переливы пеня
одно волшебное мгновенье

* * *

Какие-то сомнительные тряпки
Пятнистую и жёлтую помойку
Рвут крики недоноска. В наше время
Такие звуки называют песней –
Такая уж у нас архитектура
И поезда метро, и ветер лаает
А холодно и воздуха не хватит
Не будет сна, ни матери, ни смерти
Как висельник, я стану свечкой сальной

Зато Господь возьмёт меня на небо –
За то, что я пою, как Божий ангел.

Февраль 1999

ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

БАЛАГАНЧИК

Вы вряд ли знаете, но издаётся у нас тут в городе Тель-Авив такой ежемесячник — Балаган. Лучше для вас, конечно, узнать и об этом от меня, как например, для дивизии им. Павки Корчагина лучше узнать о немцах за пригорком от смелого разведчика Феди и тихонько уйти в другую сторону (за подкреплением). Таким лихим и отважным разведчиком, товарищи, для вас буду я. Ну вот, вы дождались моего возвращения (Федька! живой, браток! ну давай попей сперва, Федечка, кипяточку. А немцы потом, немцы, они, Федечка, не убегут). И потекла непринуждённая беседа.

Если допустить такую идиотскую ситуацию, что Булгаков лёг спать с Кафкой и они насмотрели совместный сон, то снился им не рокот космодрома. Им снилось бюро трудоустройства Панорама. В этом бюро, где персонажи черпают минеральную воду кружками, мне предложили место «в одном русскоязычном издании». Роковое имя издания они сказали, только прибрав денежки, и я было хотела повторить обмен, но надежда на Кондиционер, Кофе, Компьютер, интеллигентный Коллектив толкнула меня на подвиги, на Которые даже Винни-Пух не отважился бы.

Я пришла на пятнадцать минут раньше и тихонько пристроилась на ступеньках, полагая, что неприлично являться в любое невовремя. Вышла крупная обесцвеченная дама в брюках тайц (гусарские рейтузы, обычно их носят только после пятьдесят второго размера) и пустилась меня жалеть и зазывать. Однако стоило мне войти, как другая дама, выше ростом и крупнее, сердито сказала «что это она, ей же велели ровно в два». «А мы с ней поговорим», — встрял мелкий мужчина с цепочкой, которого я мысленно назвала Порфирий, поскольку у них не было принято

себя называть. Он сделал злое лицо и задал мне вопросы на тему высшего образования и продолжительности пребывания в Здесь. Ему явно хотелось применить какие-нибудь иголки под ногти, но тут меня увели в кабинет и выдали какой-то протокольчик – ну-ка переведи. В кабинете была не распакованная – покрытый плёнкой абажур – настольная лампа. Хозяин, видимо, думает, что так надо... Тут пришёл и хозяин – господин Каневский – и пошло веселье на славу!

– Знаете ли, – сообщил господин Каневский, не мудрствуя лукаво, – нам тут нужны профессионалы. У нас сложились отношения, и я не могу ИХ уволить. А теперь нам нужен хотя бы один профессионал. Одна тут пришла – она-то была ас-с! ас-с на компьютере, но не знала слова на иврите. Ой, говорит, это слово я должна спросить у моего консультанта (!).

– Увы, у меня нет консультанта, – поспешила вставить я с улыбкой бедного, но с честью обходящегося без Консультанта человека.

– Вот вы позвоните нам потом, а то я не знаю, как вы работаете, – завёлся вдруг господин Каневский с ноткой отчаяния. Вообще, он был нестерпимо похож на господина Губермана.

– Нет-нет-нет, – возопила я, вздохнув Кондиционированный воздух, – давайте лучше поработаем и посмотрим.

С этого момента я не принадлежала более себе, т. е. я не владела собой. Ухватив меня за предплечье, Каневский утащил меня в помещение, где прозябало большинство непрофессионалов, занятых пресловутыми отношениями, и сказал подождать, пока освободится компьютер. Трое очень небольших толстеющих и лысеющих мужчин вели познавательный разговор в стиле «скажи-ка дядя ведь недаром». Это была сногшибательная версия падения моего родного города Бендеры, и это был первый раз в моей жизни здесь, когда в одной комнате собралось аж три человека, кровно заинтересованных в его судьбе. Самый толстый знал больше всех: «снайперы сняли заранее все верхние этажи,

наверно, они что-то предчувствовали», «а люди! люди-то! бомбоубежища у вас были??», — вопрошал Порфирий «ай, оставь бомбоубежища». За компьютером, к которому я стояла крайней, если уж говорить как в Бендерах, сидел неожиданно высокий блондин, покрытый здоровым загаром то ли безработного, то ли рантье. Он выделялся отсутствием под сандалиями носков и некоторой ловкостью в обращении с ивритом и компьютером. Что меня поразило сразу — так это имя. Бедного молодого человека звали Эвальд. Да-да! И снова скальд чужую песню сложит и как свою её произнесёт! А почему, спросила я у графика, который мне как раз объяснял, что он случайно не работает сейчас, а обычно они пашут не разгибаясь.

— Он ватик, — прошипел график с неизъяснимым уважением. Наверно, промелькнуло у меня в подменённом сознании, родовое имя. У них, у ватиков. Однако я возразила: — Это скандинавское имя, а ведь у нас не С к а н д и н а в и я. У нас — И З Р А И Л ь. — График вовсе обиделся. Он тотчас поинтересовался, не пишу ли я чего. Дальше я ничего не помню. Помню только, что стены с обоями. Помню, график наливал из крана в баллончик воду, тоже, конечно, минеральную. Помню, дочь ивритской секретарши составляла список, чего они сегодня ели. Списка не помню. Очень был длинный и жизнерадостно некошерный. Потом Каневский выглянул и спросил её так: «Ирис! эйфо пряники?» Клянусь, вот так прямо спросил. Потом опять что-то помутилось.

...Нет, не помутилось. Просто я взяла и почитала экземплярчик журнальчика. Но лучше мы о нём не будем больше вспоминать. Потому что — вперёд, к развязке, — прежде чем отпустить меня обратно к людям, мне велели перевести друг другу Ирис и господина Каневского. До сих пор им не доводилось пообщаться. До сих пор им приходилось танцевать или рисовать пиктограммы. Но пришёл и их час.

Приведу их беседу дословно. Может, она заинтересует специалиста по психиатрии. Если так, то я смогу бесплатно получить

реабилитационное лечение, я теперь ой как в нём нуждаюсь. Ирис: «Девушка из шикун упитуах отказалась давать нам рекламу. Говорит, плохой журнал». Каневский: «Она ватичка! Объясните ей!» (бишь, я объясните Ирис). «Ватики нас не любят! Мы выражаем политические интересы олим! Да! Да! Объясните ей! И я рад! Я – рад! Скажите ей, у нас в Искусстве так принято, если кто гениальный – травят! не любят! Эта ватичка нам завидует! Да! Да!» Ирис: «Мне кажется, письмо, которое вы пишете на телевидение, – плохое, его не стоит посылать». Каневский (с пониманием): «Я и не буду его посылать. Я приду вместе с письмом. Это вообще специально такой стиль плохой. Это же провокация! Они т а м поймут. Им же так и надо!» Ирис отчитывается, где она просила рекламы. Каневский: «Объясните ей! Я поеду в Америку! Я просто не хотел видеть полупустой зал! А теперь меня знают! Я бы умер, если бы увидел неполный зал!!!!»

После этой беседы, которую мне лень восстанавливать – она в десять раз длиннее, – Каневский сказал, что ему всё же нужны профессионалы. Заплатить за пять часов маразма ему и в голову не пришло. Но с другой стороны – Америка ломится в залы только глянуть на Каневского, а я вот целых пять часов практически бесплатно развлекалась.

Предположительно 1998

«БРОДСКИЙ»

С детства первое — покоробленность, прямо первое. Вначале кто-то, а потом и я произносили коробящие слова и поступки. Неловкости не было, но эдак недоумённо саднило.

Карты стесняюсь взять в руки, особенно избегаю сказать: валет червей или что-то вроде семёрка. Могу виртуальный пасьянс, но выбираю им прежде неправдоподобные рубашки. А лоснящееся мышинное тельце валета червей в руки не возьму. Никогда-никогда.

<...>

Плохо кончается ночь, пыльный ветер над коврами. Мебель: мёртвый красный стул неотвязный. Слушай, я говорю, сам знаешь, нельзя разделить, слушай, здесь мало, да? Отвяжись, Иосиф, слушай. Стул, однако, реет, гвозди в ножках. Выхожу на крышу, не понимаю, что к чему, — это климат или вездесущий пыльный поэт.

Зуд в левом соске так и подбивает лгать. Люди с чувствительными сосками беззаветно, женственно лживы. О них далее позже.

Розанов всё пишет: какой да какой я некрасивый, да и потливый, краснолицый. По-моему, это всё против гомосексуализма. Точно. Неужели он и был такой гадкий? А ведь и фамилия лишайная, а??

Уличат.

Мне поспешно объяснили: раньше были люди, предметы и ситуации, нынче же знаки, рыбки и птицы. Уча наизусть эту весьма удобную для борьбы с грузинским поэтом теорию, узнаю с горечью, что это не теория вообще и не революция космоса. Это

частная проблема Шуры Зелинского, причём опять-таки не Шуры Зелинского вообще, а именно в этот момент. Тут же обижаюсь. От обиды забылась вся история о людях, знаках и круговороте рыб.

Как победить грузинского поэта? Он как мельница – шкаф, разинувший створки, отчего бы не сравнить с мельницей? А я дон-кихот, угрожаю наскокаивать. «Презренный шкафчик!» «Посторонись, жалкий, безродный шкафок!!» Но шкаф многозначительно прислонился к стене, как подобает перманентно пожилому, бессмертному, уже мёртвому. Грузин любил осин. Превратился сам в осиновый шкаф. Проблема, обратная войне с вампиром. Т. е. надо выбросить грузинский чеснок, святой водой почистить Зубы,

УКУСИТЬ ШКАФ

Расколотить сломать

Пока не крикнет не крикнет не крикнет не крикнет не крикнет
не крикнет не крикнет не крикнет.

С великою провинциальной нежностью думаю о себе, но своих вещей не упоминаю, кроме джинсов, бывших давно, и манто. Которого не будет никогда. Стою мысленно возле зелёного банка и обращаю ваше внимание: как называют улицы. Женщина в манто тридцати пяти лет – ? – вся немой вопрос – о почему у этих улиц так неприличны имена? Зачем они собой упоминают страшный город, хищные деревья, и, снова, царь!!

А мне говорили: посмотрите на эти ключицы. У кого такие ключицы, не делает зла. Это всё о моих ключицах сказал владелец винного погреба Иов одной моей квашеной подружке. Ночь была непыльная, ехали.

<...>

Теперь же сегодня пригретые грузином бебехи всем нам закатывают сцены. Часто уходят навсегда, хлопая дверь. Дверь,

милостивые государи, — лучшее междометие. Выпрямляет речь и, ненадолго, спину. Попробуйте сами!

Думаю в ванной о природе страсти. Белая малина, безымянное лето... Безмятежная эпоха — и всё ластилось ко мне, ластилось. Повести в тёплых книгах — о улитках, о бледных девах.

Гессе на слух, и Джулия в простынях подвигает ко мне три нагретых наспинных абрикоса.

Не одеваясь, нелепейшим утром вхожу к безногому соседу за сигаретами, бужу его, и он плачет в тотальной обиде. Ни на что из обстановки у меня не было и условного права, тем любезнее было моему сердцу ..... ожий на хоккеиста в эдакой-то одежде и препотешно кудрявый. Нельзя было не смеяться, это было хуже щекотки, и сдерживаемый смех заставлял меня пятиться назад, что-то пресерьёзно отвечая идиотскому гостю ..... Бродский, ... конечно ..... и я тоже ..... всегда казалось ..... почему?

Почему всякую зиму меня так носит по городу, прямо как этого Козлова? Козлевича?.. короче, этого, который потом стал религиозный? Возле Общественного здания, где я всегда пережидая дождь, меня разворачивает не раз и не два, юлой.

...А мы игравали в вещи в привольном городе, я припоминаю правила:

1. Играть как можно дольше.
2. Кто первый сказал «выиграл» — он выиграл.
3. Помнить свои вещи, не путать.

Если играешь с известным грузинским поэтом, правила трансформируются, как это свойственно кавказской игре в какой-то напёрсточек:

1. Выиграл грузинский поэт.
2. Все вещи так и были его.
3. Играть всегда.

* * *

У меня во сне был друг мёртвый человек – мертвец-покойник, немножко призрак. Он наводил на цивиллов чары и глюки, клубился и делал ситуации. Он растворялся и разлагался кислотной зеленью, всё мог. Он п...дил в суперках тележки с горкой, а сам не ел, носил покойничий костюм и только <...>

Жили мы на вилле, обманув хозяев, что деньги вышли из употребления. В кафе то же самое. Отходняков не было, так как, общаясь с мёртвым, становишься неподсуден и всяко легитимен идиотским невидимым поведением.

Но друг мой полюбил меня чудной любовью – как боги – и ожил. Глаза его зажглись, а вены потухли. Не стал он воровать и смеяться, бросил наводить чары и сбивать с пути холодильники мороженого Штраус. Хозяева виллы нас даже и не выгнали, а мягко отпустили. Прохожие нам удивились и не обрадовались. Измученный мой друг сожалел и любил, не торчал, не вспоминал иные эпохи, денег не было, но мы стали нуждаться. Уязвимые и смущённые, огляделись вокруг, и я проснулась, да.

Никакой морали быть не может. Это любовь. Это пройдёт.

Тогда вернётся свобода, а можно это назвать иначе.

Май – июнь 1998

ЯПОНЕЦ _____ рассказ о японце

Иногда я оставляю это занятие, а иногда возвращаюсь к нему. Военное время весьма и весьма располагает к встречам с ночными людьми, прогульщиками, дезертирами и азиатами. И японец в их числе – чуткий, ночной человек, видит себя со стороны таким, как успел запомнить, – фотография на паспорт. А он не помнит, сколько ему лет. Тем временем кончилась война. И японец письменно рассказал, как его погубила японская женщина.

Эта женщина лгала и была «пафос». Японец же сомневался и хотел быть «логос». Для этого он приехал в Израиль, учить такую особо злобную математику. На уроке иврита на вольную тему он и предъявил отчаянный свой письменный отчёт.

Я был бедный студент и любил женщину, которая была акуджо. Акуджо это женщина японская, умная и сексуальная. Притом она всё время лжёт. Всё время. Я очень сердит был на ложь этой женщины. Ещё такие женщины несчастны.

Мою подругу звали Гинко. Я её очень любил и забыл, только изучая математику в Израиле. В Токио была зима белый снег вода и я – бедный студент ещё молодой. Гинко сказала: «Как плохи твои ботинки, Торо! меня зовут Торо». Я ответил: «Нет денег, нет на другие ботинки». Тогда она развернула тёплые ботинки и сказала: «Я делаю тебе такой подарок. Это тебе. Пусть тебе будет тепло зимою в Токио часто землетрясения вода снег». Но они стоили четыреста шекелей, а она ушла сразу к другому. Я долго носил эти хорошие ботинки.

Я женился не на Гинко, а на Мари. Мари была доброй женой, а я стал учителем математики на Хоккайдо. Я долго не мог понять, с чего это Гинко подарила мне ботинки такие дорогие. Тогда

Мари сказала: «Видишь ли, я хорошая жена, но я Мари. Я не Гинко. Ты меня не любишь». И мы развелись.

Гинко это пафос, она японская женщина акуджо. Я учитель математики, и я хочу победить пафос логосом. Я забыл, сколько мне лет, когда ушла Гинко.

Восемьдесят шесть получил на уроке иврита японец за сочинение на вольную тему. Во сне он ехал поездом, где все в галстуках, а он в джинсах. На последние деньги ехал под снегом в синем поезде Иерусалим-Кавказ-Хоккайдо. Он знал, что в том же поезде едет Гинко. Только и всего.

Теперь я расскажу.

Может быть, Гинко — это я.

НОГА БАРАБАНЩИКА _____ тоже рассказ про деньги и любовь

Главное, знаешь ли, лёгкое дыхание

И. Бунин

В злачных местах — а в предместьях кружит синий Вобпа — в карманах города ковбои спят, когда уже девушки убирают заведение перед открытием. Запах вчерашнего пива или, скорее, вечного пива поддерживает в девушках причастность к звонкому попустительству, и они не томятся, но весело ждут своей участи, которая чудится им столько же прекрасной, сколько и неизбежной.

Не тут-то было.

Жизнь протекает в предместьях. Вот именно протекает и образуется гнусные водовороты, и Вобпа в синем лице уносит девушек за голову, что бы они там ни думали о участи и причастности, и — могут прятаться за стойку сколько угодно. Они придут домой переодеть чулки, а из-под скатерти выйдет Вобпа. Оторви лицо от стойки, спаси меня! Вобпа близко, в кустах самшита! Открой смех, как лорнет, на Вобпу!

Нет, дитя, я не оторву лицо от стойки, я сплю. Я спящий некрасавец. Сама смотри в кусты самшита, мне неинтересен запах ужаса предместий, я путешественник и у меня насморк.

Ну пожалуйста, переведи меня через автобусное кольцо, пока Смерть не показала мне тувельки в маленькую троллейбусную дверцу! Поговори со мной чудными словами, как никто не умеет у нас в предместьях, да ведь и в злачных местах больше молчат за цветной бумагой.

Нет, нет, я не поведу тебя через автобусное кольцо. Ты и сама

говоришь чудно, да и не живёшь ты в предместьях и не меняешь чулок дома у сытой тётки. Скоро я и вовсе уйду отсюда, мне будет приятно вспоминать, как ты дышишь и лжёшь, склоняясь к стойке, как ты горше всех плачешь. Ты мне говорила: ночь, Мага воеет, ползая под полами. Ты мне говорила: день, манжеты истрепались, как пойду на работу? Возьми меня с собой, как все ковбои всех девушек из предместий – вдаль от Вобпы, от тётки, от смерти, от манжет, куда нас увозят ковбои.

Нет, любимая, да ты глупенькая, ковбои никого не увозят, у ковбоев вышит-выколот сладкий образ чужой девы, и они вечно шляются, танцуют на месте, стараясь не встретить ни её, ни какую-другую.

Не очень-то и хотелось.

А мне очень хотелось, и я взял бы тебя, блистательная с грязными манжетами, да ведь я не ковбой. Мустанг мой боится Вобпы, в сумке ржавеют документы, и я говорю с психиатрами по утрам, слышу их птичьи голоса изо всех стетоскопов.

Так что же с нами будет? О Ариадна, есть ли у тебя с собой нитка? А иголка?

1997

НУ, ГЕРОЙ...

На самом деле этот небольшой пучеглазый молодой человек был не так уж мал собой и не так уж близко ставил розовые ноги при ходьбе, да и воровать отлично умел, а танцевал неожиданно, крутя плечами как одесский лох. Чем-то он заслужил наши насмешки и презрение и брезгливую зависть. Реклама, правда, сильно повлияла на его мировоззрение, не оставив даже места хотя бы голливудской сливочной морали.

Так, например, нашего малыша любила хорошая женщина, такая хорошая – ей бы рекламировать стиральный порошок, а не любила уж такая плохая – прямо потенциальная убийца Майкла Джексона. Она любила другого – в смысле совсем другого, он так отличался от малышей представлений, что не попал бы и в программу «Они употребляют холестерол». Малыш, конечно, любил эту плохую – и страдал неумеренно и суетливо. Зрачки его куриных глаз сужались и расширялись, как у задёрганной собачки Павлова, и он уже не заикался, а так – вообще зря двигал ртом. Между прочим, он когда-то учился на истфаке МГУ, и если бы не та горестная нежность к себе, которую люди часто путают с интеллигентностью или там любовью, был бы историком, знаете ли, в халате и с покорной женой. Но наш, с позволения сказать, крошка Цахес метался, фарцевал, менял цвет своих чудных красных феиных волос и более утомился от выдумок о себе, чем от скудных, признайтесь, вы, обе, событий.

И так, выйдя из еврейской квазитюрьмы, он докатился до встречи со своей плохой, даже хуже него самого, героиней (хи-хи). А она была роковая женщина, несмотря на общую плюгавость и грязные ногти.

И куриный наш мальчик задрожал. Задохнулся и едва не женился на хорошей, ровно его содержавшей красавице блондинке. Тут за моим плечом встаёт шестикрылая Петрушевская – хорошая немедленно родила малышу сына, а плохая сделала медицински непостижимую серию абортот, только потому, что ей нравился общий наркоз. Ах, но она произносила слова лжи, нежнейшей, нежели строгая классика любви. Ласки их были трогательно неприличны. _____ Ну, она плакала и улыбалась, как живая, но малыш догадывался, почему. Малыш ненавязчиво попытался её убить, незаметно для себя, но шаткое на первый взгляд здоровье устояло, а она тут, кстати, и ушла. Всё скомкалось – и наше повествование, и жизнь незадачливого персонажа, да ещё и погода стала летняя, когда во сне жмётся к прохладным стенам. Сын малыша научился ходить, держась за бортик респектабельного манежа, его хорошая мать продолжала считать крошку Цахеса интеллигентом и поддерживать материально, а что до выжившей истерзавшей малыша нахалки – ну, она так же ровно и нежно относится к окружающим людям, сбитым сливкам и другим своим маленьким радостям. Только стихи Бродского вяло ассоциируются у неё с мучительным профилем малыша, где ноздри рифмуются полноценно с глазами. И она улыбается.

Автор желает всем счастья, как любимый малышом Довлатов. Автор вполне искренно сожалеет, что ничего опять не придумал, а всё как было. Автор, впрочем, не надеется, что всё кончится хорошо.

ЦИРК ДИЛЕТАНТОВ (орден)

Действующие лица:

Зайчик — солдат, выгоревшие волосы, склонен к головной боли, при которой перевязывает лоб бинтообразной тряпкой (не шарфом и не цветным лоскутом). Жаждет поводов для страдания и проявления добросовестности, а также для подведения итогов. Играет роль бедного — сразу солдата и студента — но знающего толк в удовольствиях человека. У него потеют руки, лоб низкий, трагические брови.

Белочка — намеренно инфантильная, постоянно как бы косится в предполагаемую камеру. Носит одежду, съезжающую с плеч, разнообразно курит. Интонации преувеличены и провинциальны. Сногсшибательная доверчивость и покорность судьбе составляют её шарм.

Полковник Гарсиа Маркес — молодой человек лет тридцати двух, с бледным жирноватым мелкогенитальным телом, одновременно суетливый и скучающий. Со стороны кажется, что он быстро бегает. При себе имеет очки, шейный платок и множество других небольших предметов.

Ежи Клементий и Фока — свита Полковника — замышляющие недоброе старообразные подростки с соответствующими стрижками. Глумливо-исполнительны.

Лошадь — принадлежит Полковнику, неопределённого пола, индифферентное и громоздкое существо. Разговаривает с видом лошади.

Будулай — коварный и хитрый азербайджанец, соблюдает нейтральную позицию по отношению ко всем, т. к. давно отчаял-

ся. Его звериные повадки вызывают у зрителя иллюзию, будто бы он что-то вроде автора или Фортуны.

Соседи Зайчика – мелкие активные люди, в противоположность

Соседям Белочки – давно пришедшим в отчаянье от Белочки и коммунальных услуг.

Июнь 1998

КАЙФ

Мочу прихлёбывай.

Глуп – купи ума.

Цветы растут из дерьма.

Алексей Каренин (из поучений).

1

Меня все обижают. Меня никто не любит. Как мне обидно! Вот как мне обидно: я сижу и плачу громко-прегромко, и взываю: вот как меня все обижают! вот как никто меня не любит! Они же продолжают меня обижать как ни в чём не бывало. Потому что они меня не любят! ой! ой! не любят, а обижают. Другой раз я было успокоюсь, а они как обидят в сто раз больше. ААААА! Не любят они меня. Вообще, никто меня не любит. Некоторые даже не обижают – им до меня нет дела. Это самое обидное. Один раз я заметил – у меня не жизнь, а одни злоключения. Я хотел их записать в виде списка, но Кайфман украл у меня штепсельное перо. Я хотел позвонить Кайфману в студию, но он украл перо, прежде чем продиктовал телефон. Тогда я решил позвонить в справочное и спросить у них студию Кайфмана, однако Кайфман зачем-то взял диск от телефона, видимо, чтобы обводить и делать круглые части Зебры, которую он рисует ещё с тех пор, когда не был привычен так часто воровать. Я относительно долго сомневался, идти ли к Кайфману пешком, но тут у меня начался жуткий запор и пришлось сесть и какать. Я какал и какал и через два часа накакал жалкую какашечку, такую бедненькую, что невольно простил Кайфмана и лёг спать.

Однажды – когда ещё существовали люди, относившиеся ко мне лучше, чем подлый Кайфман, – я был богат и весел. Тогда у меня было много-премного денег и я ежедневно пил кофе с булочками. Не то сейчас. Сейчас я слаб и беден и меня все обижают. В кабаках меня особенно не любят – стоит заказать кофе с булочками – они меня хватить и давай бить, а когда устанут, то зовут из соседнего кабака и тогда те бьют. Но они не отучат меня от любви к кофе и булочкам.

Я так или иначе, а начинаю своё утро с того, что заказываю в ближайшем кабаке кофе и булочки. Я захожу и говорю – кружку бочкового кофе и булочек, булочек!!! И кидаю свою велюровую шляпу на стойку. И тут они хватить и давай меня бить. А хрупкая официантка знай топчет шляпу. Один раз, топча шляпу, она упала со стойки и разбилась, насмерть. Её еле-еле откачали. Теперь у неё протез шеи и все движения неловкие. Но она упрямо взбирается на стойку и переминается на шляпе. Прямо как Маресьев или Гердов. Когда, весь избитый, я выхожу на бульвар, там я встречаю злобную старушку, которая полна предрассудков и, в частности, полагает, что мучное – это сдобный яд, а кофе среднего рода, и она-то, шипя в надежде отравить меня, угощает меня кофе и булочками. Булочки свежие. От свежего мучного бывает заворот кишок. «Эх, старушка, – думаю я, – съедая смертоносные булочки, – ведь у меня ещё в детстве вырезали все органы и вшили супербутылочки! Эти бутылочки х.. ломаются. Им твои булочки незаметны как летний ветерок».

Наевшись сполна булочек, я возвращаюсь в кабак и показываю им страшные вещи, я их бью ногами и руками, стульями и кошками, а парализованную официантку тычу вилок. Теперь вы поняли, почему они относятся к моему заказу с предубеждением.

Усталый, но достаточно агрессивный, я возвращаюсь домой.

Когда я был богат и весел, я занимался любовью. Теперь, если вы ещё помните, меня никто не любит, все меня обижают. Только одна дура постоянно приходит ко мне, надеется встретить Кайфмана. «Окстись, позорная!» – мысленно думаю я. Но она упорно ждёт. Дожидаясь Кайфмана, она моет и готовит, но я успеваю всё насорить обратно и съесть удавшуюся пищу и поэтому, когда Кайфман всё же приходит, ей делается неудобно и она садится ко мне на колени. Поэтому Кайфман считает вот уже пять лет, что она моя жена. Он старается реже приходить, особенно с тех пор, как Цилечка – так зовут эту идиотку – родила какого-то уродца, которого Кайфман называет «твой очаровательный сын». Лицемер! а я считал его другом. Но меня никто не любит, даже Кайфман, хотя мне всегда казалось, что у него нет выбора. Последнее время Кайфман сюсюкает это ужасное существо, одетое в какие-то китчевые тряпочки. Норовя меня обидеть, он не только предпочитает его общество моему, но и сравнивает наши черты лица. Несколько раз я решал выбросить Цилечкино существо в помойку, но я не в состоянии взять его в руки, так оно мерзко.

Господи, как мне плохо! Например, эти приступы запора...

Иногда я думаю, что про бутылочки мне наврали и у меня просто кишки. Но я стараюсь об этом не думать. Цилечка постоянно суетится. Видно, любовь её к Кайфману совсем скрутила её, беднягу. Чтобы отвлечься, она приводит своих родителей, и они все вместе меня обижают. Они всякий раз приносят этому Цилечкиному ребёнку всякие различные игрушки. Я пробовал сломать, но не знаю, как они устроены.

*а если одна из этих дырочек
закроется или не вовремя
откроется – трудно будет
стоять перед Твоим стулом*

(говорить Ему по утрам)

Вопреки своим многолетним уже привычкам решил я утром взять с собою денег. Вначале я думал: и где их взять? а потом – и куда же положить? На первый вопрос я ответил на диво быстро – я позвонил Кайфману и говорю: Кайфман, дай денег, ну – приходи в гости и дай денег. Кайфман, поражённый, согласился прийти в гости, но насчёт денег я понял, что у него все деньги у мамы, а нужно ещё покупать еду котёнку и вообще идти далеко, и он боится истратить всё по дороге. Я подумал – может оно не изменять многолетним привычкам? И вижу вдруг, такие круглые пять шекелей лежат возле телефона! Это Кайфман прошлый раз оставил, чтобы не тратить по дороге, – он тогда не знал, что я способен изменить многолетним привычкам. Уселся я неподалёку от ПЯТЬШЕКЕЛЕЙ и стал распарывать карманы на джинсах. Цилечка после передачи о самоубийцах зашила мне все карманы. Так она заботу о Кайфмане сублимировала. Не до конца, конечно, – будь я Кайфман, она мне пуговицы поролоном обшивать бы стала, это они особо рекомендовали.

Положил я ПЯТЬШЕКЕЛЕЙ в надпоротый карман и вышел. С деньгами.

Думаю, интересно, сколько кофе стоит. Булочку я решил за деньги я не фраер покупать. Тем более где её взять, вчера утром мы с Цилечкой все булочки собрали по улице – вышли на рассвете пройтись, её ребёнок так мерзко орал, – а тут грузовик Анджель огромный мешок булочек как кинет на асфальт. И так раз

десять. Насилу мы домой всё это отволокли. Цилечка так объясняет – у них перевыработка булочек и они специально раскидывают, чтоб в цене не падали. Цилечка всё что хочешь объяснит – ей несчастная любовь все мозги извилинами избороздила.

Да, отвлёкся я от непривычных мыслей: сколько стоит кофе? Думаю – увижу, где все пьют, и спрошу. В тот кабак я решил не пойду. Не подам виду, что способен изменить многолетним привычкам. Но не пришлось выбирать. Гляжу – нигде никто не пьёт не курит. А ПЯТЬШЕКЕЛЕЙ разогрелись в нетерпеливой руке моей.

– А ты не сумлевайся, милоч, не сумлевайся, – старушка идишная подвалила, – ноне судной день!

Идиша я не знал тогда, но что-то к горлу подкатило. Вижу я, люди в чёрном с волосами такими узенькими подходят ко мне и улыбаются эдак кагэбешненько. И я побежал. Очень уж я боялся, что деньги отберут. Судной день и есть.

Дальше мне уже Кайфман рассказал. Он меня дома не застал и пошёл, где метро строят, рельсы рисовать. Видит, блестит там ПЯТЬШЕКЕЛЕЙ. Спустился он как мог, схватил монету и полез наверх, а за ним и я. Я туда упал и только вот тогда в сознание пришёл, когда Кайфман, лезучи, напукал.

Больше я денег с собой не возьму.

«ХОЧУ ЕСТЬ!»

хочу есть хочу есть хочу есть хочу есть хочу есть!!!!

очень хочу есть!!!

еды!!!

Например даже кефир – !!!!

Я не ем уже давно даже томатный сок ведь он еда...

Я так хочу есть...

Никто не приходит меня жалеть.

А между тем в холодильнике до х.. потенциальных пельменцев... Но я горжусь своей силой воли и будучи как бы Маресьевым из последних сил отползаю от еды. Сколько еды вокруг! Много, много еды. Всё съедобное, и всё вредно моему организму. Теперь я больше никогда не буду есть. Ведь я уж сколько не курю. И не пью. Теперь осталось потихоньку не есть. Тогда, кстати, кислород тоже не понадобится. Но пока что я очень хочу есть. С другой стороны, вначале и курить хотелось, где-то с месяц. Ну хорошо, месяц меня будет терзать абстинентный синдром. Зато потом наступит пора пожинать достойные плоды. Они все ох..т – как я бросила есть! Они еле пережили, когда я бросила курить. Но пока я бы поела, скажем, чего-нибудь лёгкого в виде отбивной. Моя бабушка всегда говорила, что она делает отбивные как пух. Но она запрещала их есть без хлеба. В этом есть своя логика, тем более если вприкуску со свежей редисочкой. О чём это я? есть вредно, тем более сейчас, то-олько начали выходить шлаки, а вдруг пожар!

Так хочется есть. Однако во всём мире поэтические натуры отродясь не ели. Даже не из-за шлаков, просто противно. Раз-

ве эдак перекусят небольшим персиком. В те времена два раба с трудом переносили гроздь винограда. Про персики ничего не сказано. Ну, допустим. Когда мы с папой были в Ялте, мы персиком завтракали. Потом мы пили кофе со слоечкой, потом чебурек, потом ехали на пляж. Уже потом мы слегка обедали. Также и святые не едят. Они едят акриды и дикий мёд. Потом ещё птицы приносят святым цветы и, я думаю, яйца. Кстати, в холодильнике есть девять яиц. Этого достаточно, если перевести в шлаки.

БЕЗЗАЩИТНЫЕ И ХЛАДНОКРОВНЫЕ

*Она продаёт морские раковины
(скороговорка)*

Мелководные какие светлые улицы, множество бесполезных выходов, поворотов. Почему, где золото? где уголь настоящих небес, чтобы вверх далеко, как на север? Ненавижу нестрашный город, городок, слабенький пастельный, за..ло, хочу красный квадрат, музей в метро, хочу бояться прохожих, а прохожие гуськом да цыпочкой карасики.

КАРРАСИКИ

или с двумя эс?

Чего в такой ситуации говорить о любви? Карасики же это, во-первых, беззащитные, во-вторых, хладнокровные (а может быть, это взаимосвязано). И бог в этом городе близко шевелится, как люстра с тысячью глаз, и неловко. Где, где железные чугунные часы и сетчатые лифты с зарезанным негром и яркая кровь и сразу всё?

(зачем я это ел вообще зачем зачем Куда опять)

Отпустило. Нет, наоборот. Не важно вот она. Считает небольшие деньги маленькими руками. И три этажа надо мной как триста и небо и земля размыкаются полночным мостом П..ц п...ц. Она не поедет ко мне домой.

Они сидят за тонкой столешницей в буфете, она держится за сердце.

— Могут мандавошки дойти до сердца, — спрашивает она.

— Грибки, — он отвечает, но сердце ведь и правда болит. Если бы не сердце, ей было бы скучно. Её забавляет мысль упасть в буфете общественного здания.

А что же нас с тобой связывает что нас с тобой связывает что нас связывает и я думаю что меня с ней связывает но нас ничего не связывает нас ничего не разделяет, может быть её не существует о если бы что меня с ней связывает она хочет мороженого нет пива о пусть она ест пусть но что нас связывает она меня целует нет обнимает нет она что-то говорит до сих пор говорит может быть любит нет она говорит Пойдём я буду пить Хайнекен, да? Да.

По дороге она обсуждает фильм и марки американских машин, заходит в лавку что-то спросить, тихо думает, он оборачивается: витрина, Бриллианты Бриллианты.

— Мне плохо без тебя и не хочется жить, — монотонно говорит он.

Бриллианты.

Они едят. — Знаешь, я всегда представляю тебя, когда занимаюсь онанизмом. — Она косится на вилку, врёт. — Так что теперь я гляжу на тебя и вовсе представляю онанизм. — Она думает, кто будет платить.

Очень вкусно. Вкусно обоим. Он уплатил, и она задумалась, не поменять ли ей марку сигарет. Он не понимал, почему же ему не хочется её сейчас же трахнуть. В кафе было совершенно пусто, но они не заметили этого ничуть.

Чуть не сел в мой автобус, но всё же сели в — ехать к её друзьям, провожать её. Я взял её за грудь из чувства противоречия, и она билась как рыба целиком, и я в восторге сказал — это плохо кончится.

— Да ну, — искренно ответила она, — х..ня какая, нормально. —

Я дёрнулся и плакал, чувствуя, как боль шуршит вдалеке и всё громче, громче. Раньше ей доставляло удовольствие утешать меня и унижать, и мы всюду развлекались, а тут она вежливо смотрела в окно, и я понял что я люблю её странно что произошло буквально теми же словами какими я всегда говорил и я хотел ей сказать, например, это сказать или хотя бы плакать.

Он решил проводить её ещё по лестнице и вдруг жалобно и удивлённо вскрикнул «хочу» и прижал её к себе, хватая. И какое-то время это продолжалось вечно, а потом прекратилось.

Эти города, грозные города, я понял, не существуют нигде, кроме её зрачков, даже в её душе. И я столько времени глядел на грохот трамваев, и ликовал, и выронил это волшебное стекло из сказок Хоффмана, и только обернувшись назад, я посмотрел, как она неловко поднимается по ступенькам в темноте, и представил себе, что она была красивая и, возможно, живая.

Апрель 1998

УБИЛИ, ДА

Амазонка протекает в неприглядных ущельях вроде выпученной тундры.

Я спокойно прогуливалась по узковатому мшистому берегу шелестя клетчатой одеждой как тут из горного переулка выскочил довольно молодой человек, которого я в тот момент втайне очень боялась, и стал подманивать меня к воде. Берег был скользким. Я подошла к нему, то есть собственно к воде, и он высоко подпрыгнул, ухмыляясь и увлекая меня за собой в воду.

Вода была чересчур тёплой и глубокой, но он и под водою продолжал прыгать, чтобы меня хуже запугать. Я сделала несчастный вид, исподтишка дыша воздухом из-под рубашки, и наивный убийца уплыл прочь, а я додышала воздух и тоже уплыла. Однако меня начали мучить предчувствия.

Чтобы заглушить параноидальные настроения, я пошла в большой кинотеатр и, с независимым жестом надкусывая пирожное, уселась в фойе. Было весело, звучала музыка.

Но предчувствия сбылись — вошёл, рассекая июньский вечер, отряд <...>. В руках они держали рогатки и дипломаты со взрывчаткой. Двое <...> выделялись бледностью лиц, нарочито сплочённой походкой и очки у них сидели криво. Один из них держал синий совочек, а другой указал на меня пальцем и брезгливо сказал — да это же Анечка! Эти двое оказались на моё счастье Гольдштейн и Ротенберг, дилетанты-постмодернисты. Они заплатили шестьсот шекелей, чтобы поучаствовать в <...>, и они меня спасли. В общем, они оба относятся ко мне с неприязнью, но им показалось, что сорвать <...> более концептуально, чем в нём участвовать.

Я так устала от вежливого разговора с Г и Р, что даже не отреагировала на тот факт, что работодателем <...> был тот самый негодяй с берегов Амазонки. Расслабившись, я пошла в гости уже не помню к кому и в гостях сразу пошла спать.

Однако, войдя в спальную комнату, я увидела, что из-под тяжёлых пушистых штор высовывается пара знакомых ботинок с алыми шнурками. Ужас охватил меня, и я попятилась.

Я ещё надеялась поспать до того, как меня убьют, но молодой человек в ботинках мелкими шажками вышел из-за шторы. Большой деревянный пистолет он направил себе в рот, а маленький прозрачный алюминиевый мне в глаз. Прозвучал робкий выстрел.

* * *

Неприятный и с отросшими волосами, он долго выращивал, выхаживал и приручал зверюшек, чтобы они его полюбили, а лицо-то у него грязное и с лопнувшими капиллярами.

Тогда он вышел на опасный перекрёсток, где самые зловещие полосы перехода, и обманул своих животных, главным образом кошек. Он как-то их оставил с чётной стороны, пока они ели лакомства. Сам перешёл, в своих полотняных штанах, а зверьки с сарделькой остались на чётной стороне. Когда я подошла, несколько зверьков совсем размазались по полоскам перехода, белая фарфоровая Кошка Кот вернулся назад, залитый кровью пополам, и только один небольшой котёнок добрался до Неприятного Настораживающего типа и вилял от счастья хвостом. Кишки, однако, волочились по тёплому асфальту.

Машины ехали вонсю, красные и синие и даже грузовички, и летний день шумел. Я пошла оттуда спиной, а потом повернулась и побежала, уговаривая себя, что всё равно ничем не помогу зверушкам. Неприятный похожий на режиссёра человек

погнался за мной. Как назло, рубашка оттопыривалась у меня на спине, видимо, вследствие невероятно быстрого бега и жёсткого ветра, и Неприятный своею потной толстой рукою приладил мне туда несчастного кишечного котёнка. Я встряхнулась, котёнок скользнул кишками и упал, подёргивая лапами, хотя я этого уже не видела, а бежала по бульвару, посыпанному гравием. Когда стемнело, я села неподалёку от стенда с бледными афишами. Очень хотелось настоящего эскимо, немного круглого, но мешало сознание, что я плохо поступила по отношению к зверушкам Неприятного-Гнусного, а возможно, и по отношению к самому Неприятному-Неопрятному лично.

Апрель 1998

ПРЕВРАЩЕНИЯ МУМРИКА-ДУМРИКА

Однажды в городе Санкт-Петербурге Борик очень любил сахар. Сахар доставался не просто. Борик залазивал на стул, слезал, ставил рядом ещё стул, на него ещё маленький стул, и уже с этого маленького стула Борик мог достать сахар, который его бережливый и умный отец ставил на верхнюю полку книжного шкафа. Борик ел сахар рукой, и ему приходилось ещё вдобавок озираться, как бы бережливый и умный отец не отобрал сладкий сахар и не вымыл Борику руки. Или могла подкрасться Евгения Петровна и дать Борику булку с маслом, раз он уже проголодался и ест.

Однако эта жизнь была налажена, и Борику каждые полчаса доставалась его порция сахару.

глава вторая

Борику подарили альбомчик. Два похожие альбомчика. Там были наклеены вроде японские журавлики и другие зверушки. Некоторых можно было осторожно оторвать и отдельно играть. Тут как раз приехала Борикина очень умная и сообразительная сестричка, которая как раз любила всё открывать и отдельно играть. Она моментально оторвала из альбомчика коричневую белочку и стала её показывать недовольному Борику. Он стоял возле шкафа, откуда его снял бережливый и умный отец. Борик посмотрел сквозь слёзы на белочку из японского альбомчика и сказал: — Это — мумрик-Думрик. Он меня съест. — Конечно, Борик был не совсем прав. Мумрики никого не едят. Но Борик спрятал ручки за спинку и ушёл. Тогда его сестричка сообразительно встала на

стул, взяла сахар и посадила на сахарницу белочку. Теперь все могли оставить охрану сахара — Борик боится белочки и не сможет лазить даже на стол. Борик вошёл в комнату.

глава третья

— Это мумрик-Думрик, — с трудом сказал Борик, спрятал ручки за спинку и задом убежал в свою комнату.

Тогда умная и сообразительная сестричка раскаялась. Она подошла к плачущему Борику и развернула бумажную белочку. Получилась квадратная коричневая бумажка с дырочкой посредине. Борик глянул на бумажку и на сестричку.

глава четвёртая

— Это мумричная бумажка.

глава пятая

Сестричка сжалась и порвала мумричную беличью бумажку. И выбросила в унитаз. И для верности спустила воду. И уехала.

Продолжение

На углу платяного шкафа и буфета сидел Борик и любил свой велосипед. Он крутил его колёсико и пускал в том же ритме пузыри: жжжжжж--брррррррр! Велосипед стоял вверх колёсиками в том самом промежутке между шкафом и буфетом в городе Санкт-Петербурге и Борик боялся менять его и своё положение.

Если велосипед поставить вверх не колёсиками и вытащить из-за шкафа, а Борика усадить на сиденье, то по привычке велосипед сам собой повернётся вверх колёсиками, а Борик уляжется рядом с колесом и начнёт пускать пузыри. Борик устал заниматься велосипедом и пошёл позвонить доктору Хайдеру и Горбачёву. Борик звонил им каждый день, рассказывал о плохом положении своих гусаров и вредности родителей. Доктор Хайдер и Горбачёв слушали с интересом и Борика не прерывали. Борик хотел было рассказать, как он пописал на Ценные Рукописи Бережливого Отца, а бережливый отец выгнал его за это на родину – в скушную Борикову комнату. Но вдруг раздался неуместный смех.

ПЕНКИ

1

Знаешь ли ты, Саша, что в далёкой Гватемале все балауры питаются серыми кактусами? Вряд ли. А что вся Африка погрузилась в полярный день? Специальные радары транслируют его (п. Д.) из Норильска в Сахару. Но может быть, ты знаешь то, что знает каждый марокканский ребёнок? Что Израиль переходит на японский мандат? Знай! Знай же хоть это, ведь совсем ничего не знаешь. Твоё невежество перешло все возможные границы, включая географические пунктирные линии всех цветов. Мы, твои доброжелатели, решили помочь тебе и спасти тебя от неминуемого удивления, если вдруг тебе довелось бы узнать всё сразу.

Наш первый урок не заставляет себя ждать. Сообщаем о себе.

Елизавета Пищик-Кладбощик
Акива-Сан

....

Сан-Диего
Ульянка Грей-Фруктман

Мы ещё встретимся!

О губительных свойствах брюк

Братья и сёстры! Сегодня, в стапятидесятирѣхлетие со дня смерти шестого воплощения Арджуны, настало время поговорить о том, что загрязняет ауру Нашей Голубой Планеты. У нас, в светлой студии Рейдман Центра, – дискуссия. Дискуссия о том, почему именно Брюки так страшно патологизируют геологии, нарушают симметрию имманентной мистичной присущности, умножают карму и, как ни горько говорить об этом в радостный день публикации нашей статьи, – приводят к Тристослоисности.

Игорь ШриЗассыука: Давайте обратимся к моему готическому трактату о шести мѣртвых и живых животных ..... Увы, больше ничего не известно. Обломка Тристослоисности хватило только так. Следующая встреча дискуссионного клуба с читателями – потом.

С приветом,
маг Козленный

1994

ПИСЬМО-98

Что касается любви, то настоящая любовь нечувствительна к слиянию, т. е. самое тесное общение немногим радостнее разлуки, потому что, мне кажется, расстояние между двумя людьми настолько непреодолимо, что не важно уже, равняется ли оно годам или минутам, вытянутой руке, семидесяти ли километрам, трём ли тысячам или даже смерти нас обоих и тех маловнимательных свидетелей, на чьём фоне наши нелепые танцы, наше надуманное отчаяние и наша детская, приправленная цинизмом, чтоб не сказать снобизмом, надежда... Всё это я пишу сейчас от имени всех нас или только от имени нас двоих — самых бесчувственных, лживых, неживых, меркантильных, предающих без сладострастия, по привычке, симулирующих смерть, ностальгию, талант и оргазм, <...> прикидывающихся красавцами, мечтающих о воображаемом былом, бросающих друзей и тоскующих, например, о потерянной сезон-другой назад зажигалке, грошовой зажигалке с алой рыбкой на охристом фоне, господи Боже милостивый, до слёз.

Итак, мы встретились и обстоятельства нашей встречи не нравятся нам до сих пор, до сего дня, хотя, казалось бы, близятся (см. братьев Гримм) куда неприятнейшие обстоятельства неизбежной и окончательной разлуки. Бог дал нам бледные и наивные тела, и начнём с этого. Я не скажу сразу и наизусть, кто рисовал таких Адама и Еву (заблудившиеся в трёх листьях! Схожие нездоровым сходством — несвежим взором, одутловатой и неразвитой кистью руки). Но, прервав упоительный автопортрет — когда мы нарисованы на картонке навечно, а пейзаж с натюрмортом наперегонки ловят «птичку» из лейки <...> — скажу, что нет среди смертных

никого желаннее нас, нет притягательнее недоделанной горечи наших тел и души, и мы тем более смертны, чем желанней, и наш близорукий, отталкивающе беспомощный взор в момент смерти напомнит взор засыпающего щенка, одинаково карий у обоих.

Люблю тебя.

Мы ни разу не спали вместе впервые. Мы никогда не предстали перед Богом – и вряд ли будем. И людьми. Перед Богом и людьми

Осень 1998

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ольга АНИКИНА. Своими глазами одновременно</i>	5
---	---

I ЭТО СОН, УСПОКОЙСЯ

«просыпайся умерли ночью поэты все-все...»	34
«Там краеведческий музей один лежит на пепелище...»	35
«шведская датская лодка гуляет во тьме...»	36
Упадок	37
«Убогие глаголы и проводка...»	39
«скажи что стало с Гаммельном моим...»	40
«Поёт и плачет офицер за стенкой...»	41
«В день торжества электросвета...»	42
«Мы могли бы жить на малой садовой...»	43
Пригоршня	44
«Желание держи мои запястья...»	45
«юннат беспризорный могильщик...»	46
«Ловил себя и был уличён...»	47
«я выхожу из провинций моей души...»	49
«Отступление тьмы на поворот за Латрун...»	50
«Одноместный самолётик прыгает через заборчик...»	51
«С акцентом на губное "ц"...»	53
«Несколько смертных строк смертному телу...»	54
«дома как стопки детских книг...»	55
«придумай мне сестру...»	56
«Я буду ранний серый чай...»	57
«Я лисы...»	59
«в городе где тёмные соборы...»	60
«<Смерть> на моих погонах...»	61
«Тело за мною ходило тело...»	62

II А Я ВСЁ ЭТО ВИДЕЛА

«припали крылья мои к спине...»	64
«где ангела одежды золотые? надень что было сил!...»	65
Перевод с европейского	66
«дарам причастное стыда...»	68

Северьюг	69
«Томлению внемлют случайные мысли...»	71
«Сон... смертным потом волосы твои...»	72
«Видишь солнца алчный ноготь...»	73
Первый верлибр	74
«Жжёт и лижет язык королевская шкура шмеля...»	76
«След от бритвы безопасной...»	77
Наблюдательный пункт	
«смотри какой бетон какие однако стены...»	78
«два человека ворона и грач...»	78
«как запястье гимназистки...»	79
«полотенце сложив оттого говорю я...»	79
«так посмотри ещё каких слогов лишил зрачок...»	80
«строгий ошейник вчерашний сапог утро прощай...»	80
«я думаю когда б и ты сказал о именах...»	82
«Он управляет города заправив маслом...»	83
«Не правда ли ты хорошо помнишь солнечные дни...»	84
«летит пластмассовый стежок...»	85
«Сон разроссийский куст...»	86
«она спит Успевай смотреть...»	87
«А, человек из соседнего дома!»	90
«Полуоткрытый шкаф алый плащ...»	91
Песни мёртвых детей	
«Ты деревянная дева — вместо спины корабль...»	92
Голем	93
«В моём саду деревянном саду...»	95
«цветы: у них запястья непросты...»	97
«Не тихой бедности но нищеты роскошной...»	98
«одна похожа на тебя но недостаточно...»	99
Элегия	100
«Мы начали произносить слова...»	102
«Надсадно яркое о маленькое душно...»	103

III

СМЕРТЬ КОЛОКОЛЬНЯ ЛОГОС

«Всё Божье небо в позументах...»	106
«Небце синее косое...»	107
«Твой мяконецкий рот искал виноватых а находил...»	109
Штрихи	110
Из Йоны Волах	112

«За шесть или семь — не тонких — стен...»	113
«Я стал как мебель бледный деревянный...»	116
«Белая пыльная малина как просто так...»	117
«Я находил старинные слова...»	119
«Медвежий угол речи львиной...»	121
«сметана есть сметану есть сметана...»	122
Post factum	
«они в саду играют марш...»	123
«я маленький японец в кипятке...»	124
«Мы говорим на детском языке...»	125
«смерть прикрывает наготу...»	126
«Цветы живут быстрее тленья вишен...»	127
«Одна война зимы две месяц рыбьей кости...»	128
«Где ночь отвесная в падении свободном...»	129
«все-то города...»	130
«Несомый жук в топимый рай...»	131
«Дым на снегу котятками клубится...»	132
«Одежда рахат лукума...»	133
«жест сменится болью...»	135
«сквозные выплески от ветра...»	136
«Какие-то сомнительные тряпки...»	137

IV ИЗБРАННАЯ ПРОЗА

Балаганчик	140
«Бродский»	144
Японец	148
Нога барабанщика_тоже рассказ про деньги и любовь	150
Ну, герой...	152
Цирк дилетантов (орден)	154
Кайф	156
«Хочу есть!»	161
Беззащитные и хладнокровные	163
Убили, да	166
Превращения мумрика-Думрика	169
Пенки	172
Письмо-98	174

Проект
«УЙТИ. ОСТАТЬСЯ. ЖИТЬ»

Антологии литературных чтений
«Они ушли. Они остались»

1. **«Уйти. Остаться. Жить» (Том I: 1990–2010-е)** / Составители Б. О. Кутенков, Е. В. Семёнова, И. Б. Медведева, В. В. Коркунов. – М.: ЛитГОСТ, 2016. – 460 с.
2. **«Уйти. Остаться. Жить» (Том II. Часть I: 1970-е)** / Составители Б. О. Кутенков, Н. В. Милешкин, Е. В. Семёнова. – М.: ЛитГОСТ, 2019. – (Второе издание: 2020 г.) – 388 с.
3. **«Уйти. Остаться. Жить» (Том II. Часть II: 1980-е)** / Составители Б. О. Кутенков, Н. В. Милешкин, Е. В. Семёнова. – М.: ЛитГОСТ, 2019. – (Второе издание: 2020 г.) – 456 с.
4. **«Уйти. Остаться. Жить» (Том III: 1990-е)** / Составители: Б. О. Кутенков, Н. В. Милешкин, Е. В. Семёнова. – М.: Выггород, 2023. – 448 с.

Серия
Поэты антологии «Уйти. Остаться. Жить»¹

Редакционная коллегия:

Е. А. Кукина, Б. О. Кутенков, Н. В. Милешкин, Е. В. Семёнова (до 2024 г.)

1. **Владимир Полетаев**, «Прозрачный циферблат». – М.: ЛитГОСТ, 2019. – 150 с.
2. **Михаил Фельдман**, «Ещё одно имя Богу». – М.: ЛитГОСТ, 2020. – 100 с.
3. **Алексей Сомов**, «Грубей и небесней». – М.: ЛитГОСТ, 2021. – 220 с.
4. **Гоша Буренин**, «луна луна и ещё немного». – М.: ЛитГОСТ, 2021. – 96 с.
5. **Леонид Шевченко**, «Забвению в лицо». – М.: ЛитГОСТ, 2022. – 140 с.
6. **Макс Батулин**, «Гений офигений». – М.: Выггород, 2024. – 242 с.
7. **Алексей Ильичёв**, «Праздник проигравших». – М.: Выггород, 2025. – 154 с.
8. **Анна Горенко**, «Королевская шкура шмеля». – М.: Выггород, 2026. – 180 с.

---

¹ До 2024 г. серия сохраняла название «Поэты литературных чтений “Они ушли. Они остались”».

Литературно-художественное издание

Книжная серия
«Поэты антологии "Уйти. Остаться. Жить"»

Анна Горенко

Королевская шкура шмеля

Избранные стихи и проза

Главный редактор издательства «Выргород» *Лев Наумов*

Составитель *Борис Кутенков*

Редакторы *Борис Кутенков, Владимир Тарасов*

Технический редактор *Егор Жерябкин*

Корректор *Татьяна Никольская*

Дизайн обложки *Екатерина Мурашова*

16+

*Знак информационной продукции согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 г. №436-ФЗ*

По вопросам приобретения и распространения продукции издательства

«Выргород» обращайтесь:

<https://wyrgorod.ru/> ales@wyrgorod.ru +7 916 365 6000

Подписано в печать 31.12.2025 г.

Формат 60х90 1/16, печать офсетная. Гарнитура PT Sans

Отпечатано в типографии

ИПК «Квадрат»

Белгородская обл., г. Старый Оскол, Комсомольский пр-т, 73

kvadrat1998@gmail.com

Как описать особое место Горенко в поэзии поколения 1990-х? Несомненно, из её стихотворений очевидны и большой талант, и человеческая значительность автора, а всякий масштабный талант, безусловно, уникален. Но можно ли определить ее неповторимый вклад в русскую поэзию содержательно? Мне кажется, да. Горенко смогла превратить деконструкцию модернистского мифа об одиноком героическом поэте в сотворение нового мифа, центральной фигурой которого становится уже не сам поэт, но собеседник или персонаж видения — тот или та, к кому обращается или о ком говорит умяляющий себя и отстраняющийся от себя повествователь.

Илья Кукулин

Подобно Борису Поплавскому, которого младшее поколение первой эмиграции ощущало своим оправданием, Анна Горенко оказывается оправданием и русскоязычной молодой литературы в диаспоре, да — в некотором смысле — и нас всех.

Данила Давыдов

ISBN 978-5-905623-59-2

9 785905 623592 >